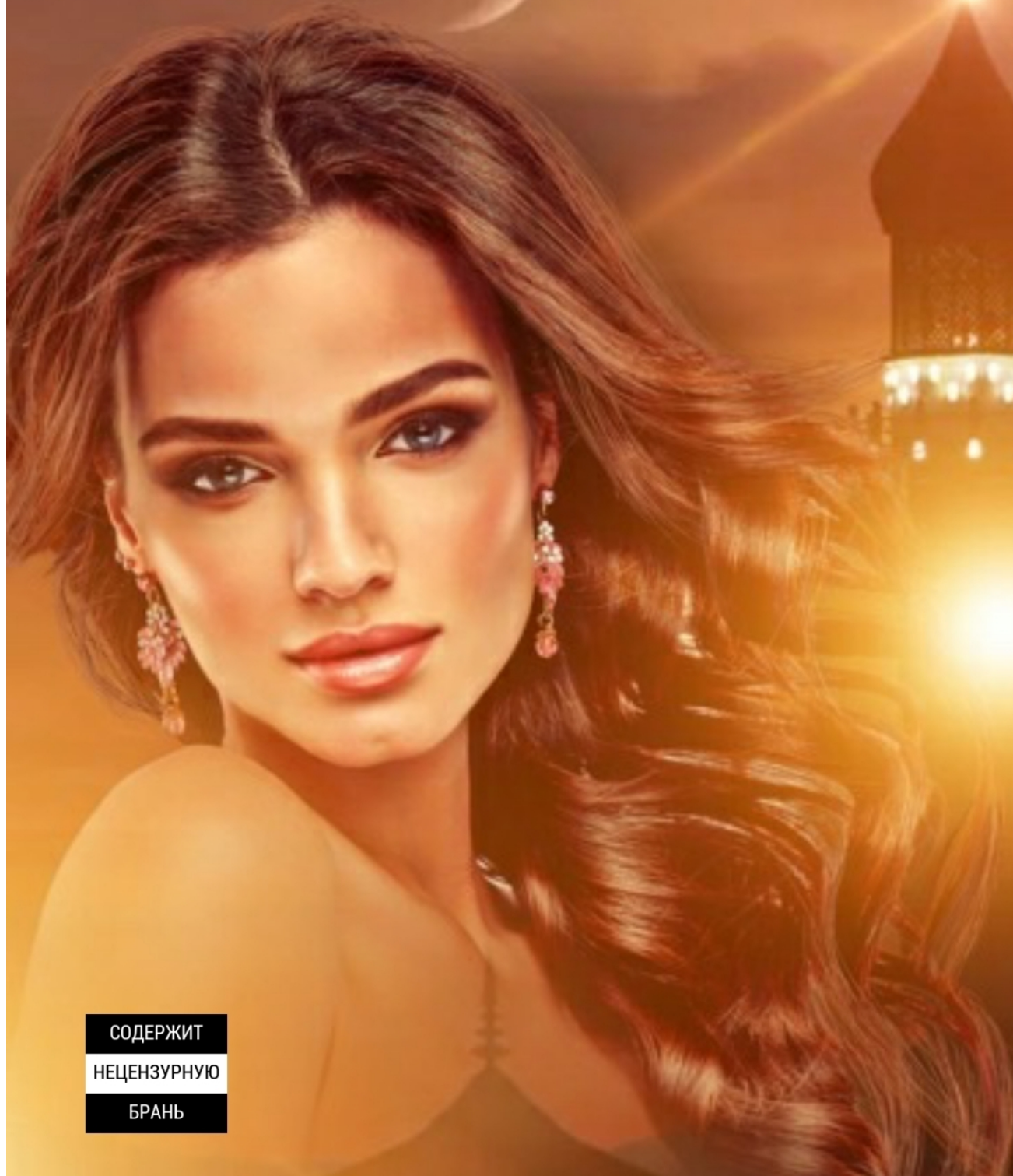

ИМАН КАЛЬБИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ОНА МОЯ...

Книга первая

Иман Кальби

Она моя...

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Иман Кальби

Она моя... / Иман Кальби — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Внимание: СТРОГО 18+, присутствуют очень откровенные сцены. Первая книга из трилогии. Она моя... Одержимость. С каких пор она стала так важна для меня? Никем я так не хотел обладать. Всецело и безраздельно. Она моя... Нежность. Впервые в жизни мне так отчаянно хочется кого-то сберечь и защитить. Она моя... Похоть. Никто до нее не мог так откровенно и легко будить во мне столько грязных мыслей. Она моя... Слабость. Непростительная роскошь, за которую придется так дорого заплатить. Она моя... Боль. Я сделал больно ей, а страдаю сам. Она моя... Ненависть. Потому что есть Он. Второй. Тот, кого я обязательно убью, какой бы ни была цена... А все потому, что Она моя... Только моя... Содержит нецензурную брань.

© Иман Кальби, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Иман Кальби

Она моя...

Все изложенные в романе события и персонажи вымышлены. Любое совпадение с реальностью случайно.

Московская область, январь 2033 года

– Влада, расскажите мне о своей жизни в Дамаске, – мягким голосом спросила доктор Анна Петровна, психолог с почти двадцатилетним стажем, сидящая за красивым дубовым письменным столом в своем уютном кабинете.

Девушка никак не прореагировала на ее призыв, продолжая все так же безотрывно смотреть на часы – кукушки, висевшие на противоположной стене. Ее поза в кресле – лежаке была расслабленной, но в то же время закрытой.

Не обращая внимания на явное пренебрежение со стороны пациентки, врач продолжила, – Ну как-то мы с Вами должны скоротать еще час нашего сеанса. Понимаете, это моя работа, я просто так не смогу Вас взять и отпустить.

Влада лишь усмехнулась, показывая, что ей наплевать на работу доктора и что там о ней подумают как о специалисте.

– Сигарету, – произнесла она вкрадчиво, не отрываясь от часов.

– В Вашем положении нельзя... – попыталась было возразить доктор, но встретив обжигающий взгляд пациентки, решила сделать исключение. Как бы ни было, ей платят совсем за другое. Задача была поставлена четко – выудить как можно больше полезной информации, а продвигаться на этом пути столь именитому и известному в узких кругах специалисту так и не удалось ни на йоту. Не хватало еще, чтобы из-за этой взбалмошной девчонки, наломавшей столько дров, она рисковала своей репутацией. Была – ни была. Молча протянула ей желаемое с зажигалкой. Девушка затянулась, смачно выдохнула и все-таки начала свое повествование. Доктор торжествующе заерзала на стуле и незаметно включила диктофон, претворившийся ручкой.

– Бездарность.

– Простите? – переспросила Анна Петровна, не понимая, о чем она.

– Полная бездарь. Вот кем я была.

Доктор молчала, в такие минуты лучше не встречать.

– Бездарь, которой повезло.

Влада встала и подошла к окну.

– Яркие репортажи, сенсации, емкие сюжеты и глубокие аналитические статьи... Все это было не про меня. Не получалось, не было ни опыта, ни таланта. А хотелось славы, как всем тем, кто снимал, писал, не боялся лезть под пули и находить в войне не смерть, а известность.

Снова затяжка.

– Я завидовала. Быть в Сирии, не изобретать себе способ туда попасть, а приехать на все готовое, и так и прозябать в безвестности... Вот чем я занималась... Пока не встретила Его... Их...

Глава 1.

– Август месяц 2031- го, лето достигло своего знойного пика и все так непривычно, так по- новому в Сирии.... Я не была здесь три года после окончания стажировки в Дамасском университете, а кажется, что лет десять. Как было здесь тогда, еще в мирное время, когда никто и помыслить не мог, что все так стремительно завертится. Тихо, спокойно, красиво, мило, душевно... Эта страна была оазисом толерантности и спокойствия в арабском мире, уже не первое десятилетие сотрясаемого внутривнутриполитическими пертурбациями. Впрочем, регион всегда представлял собой огромную пороховую бочку... А потом эта бочка в очередной раз «задымила», и в Сирии все стало стремительно нестись в пропасть. Знаете, как при горном обвале, при сходе сели... И Я оказалась в этой массе, среди обломков страны и судеб других людей. Гражданская война не щадит никого. Это худшее, что может произойти с государством. Когда брат становится врагом брату, когда ненависть везде, когда боль повсюду. Эта боль жжет тебе ноги, она втаптывает в грязь твое достоинство, она калечит твою судьбу вне зависимости от того, на какой ты стороне баррикад... Ты воюешь и горишь сердцем за свою правду, а когда пути назад уже нет, оглядываешься и понимаешь, что все то, за что ты воевал – нынче пепелище... И уже все равно, кто был прав, а кто виноват... Весь этот ужас свалился на Сирию совершенно неожиданно. Казалось, страна была намного более устойчива к внешнему воздействию, да и народ здесь жил неплохо., наученный тяжелым политическим прошлым – волнения там происходили далеко не первый раз. По крайней мере, всем со стороны так казалось... Я до сих пор пытаюсь понять, когда же был спущен этот курок национального раскола. Когда люди в Сирии начали разделять себя на религии, конфессии, кланы... Не было этого всего, а потом вдруг появилось – и в таком гипертрофированном виде. И вот, на этом пепелище оказалась и я... Хотя давайте по – честному, в августе 2031 года я прилетела в Дамаск, где все еще было относительно спокойно. Революция традиционно, как много лет назад, начала тлеть в сердце страны – Хомре. Всего каких -то 150 км пути по прямой дороге от столицы, а ощущение, что несколько тысяч километров, несколько лет... Дамаск все еще пытался жить своей привычной жизнью, хоть из пригородов уже доносились отзвуки боестолкновений. То и дело происходили теракты, одинокие минометные обстрелы могли накрыть один из центральных районов, а военных и блокпостов стало больше, чем магазинов с традиционными сирийскими лепешками. Теми самыми, которые являются прообразом итальянская питты, в свое время привезенной из этих краев Гнеем Помпеем Великим вместе с местными рабами и другими трофеями в Рим.

Так уж получилось, что особого выбора у меня не было. Я потеряла родителей, когда мне было всего два года. Да что там говорить, я их не знала. Из родственников на связи была только тетя – Бэлла Константиновна. Ну как из родственников, номинально. Родственного тепла я не чувствовала никогда. Росла в элитном интернате. Тетка время от времени меня там навещала. Приезжала всего на полчаса раз в месяц, холодная, надменная и богатая. Оценивающе смотрела на меня, разговаривала с классной руководительницей, потом подходила ко мне, брала за подбородок и вглядывалась в лицо... Всего пару минут – и вот, неприступная родственница опять упархивает в своем шикарном автомобиле с водителем в неизвестном направлении... Я никогда не была у нее дома. Ничего не знала о ее жизни. А та холодность и важность, с которыми тетка смотрела на меня, словно возводили неприступную крепость перед желанием попроситься уехать с ней, за пределы интерната... Я переживала и скучала... С самого раннего детства ни одной фотографии родителей, ни одной вещи, доставшейся от них... Из- за этого, наверное, я была тихой и нелюдимой, предпочитая компании сверстниц – сплетниц книги и фантазии.

Влада задумалась, слегка прикрыла глаза, вспоминала... Пациентам всегда очень непросто начать рассказ о своей жизни... За свою многолетнюю карьеру Анна Петровна не знала ни одного из них, кто бы не стал вдаваться в ненужные детали, упуская из вида главное. Всем хотелось объять необъятное и показать специалисту мир своими глазами, чтобы быстрее получить долгожданную «таблетку от всех болезней», пусть и душевных. Влада оказалась исключением – доктор была рада любым ее рассказам, потому что это все же лучше, чем многомесячная игра в молчанку...

– Я была прилежной ученицей, занималась спортом. Тетка настояла, чтобы в мою программу обучения ввели танцы и гимнастику. Я выросла в стройную гибкую девочку. Школа была позади – и благодаря усилиям Бэллы Константиновны и муштре учителей я поступила в институт... Я никогда не забуду тот день, когда впервые села к ней в машину. Думала, что, наконец, познакомлюсь с ее семьей, войду в ее жизнь, как родственница, но та лишь привезла меня на съемную квартиру и сказала, что отныне будет оплачивать мое проживание в доме недалеко от института, а в ответ ожидает от меня прилежной учебы и пристойного поведения, в том числе... никаких «мальчиков – сопляков», как она выразилась.

У тетушки, занимавшейся, с ее же слов, «формированием меня как личности», были связи в арабистической среде Москвы. Так я и попала на специальность журналиста – арабиста в институт Востоковедения. В 16 лет я плохо понимала, что вообще такое арабский мир. Понимала ли это она, я тоже не знаю. Сейчас догадываюсь, что, конечно, понимала, – сказала Влада с горькой усмешкой, потом задумалась.

– Мы мало разговаривали. За все эти годы помимо прочих своих навыков я усвоила главный – не задавать ей лишних вопросов. Арабский – значит арабский. Я выучила этот самый сложный язык путем многочасового просиживания своей задницы за столом. «Моим делом было учиться» – так говорила Бэлла Константиновна, а там она -де все решит. Решила. Преподаватели были ко мне лояльны и внимательны. В репетиторах, дополнительных занятиях, стажировках, в том числе и недешевых языковых курсах в Дамасском университете в Сирии, мне не отказывали. Еще в последний год учебы в магистратуре я попала на распределение в журналистское агентство «ЭРА», где традиционно нужны были арабисты. Так начался мой скромный путь в профессии. Азарт приходит во время игры. Я втянулась, увлеклась арабской культурой, танцами, искусством. Полюбила язык. Теперь хотелось большего – хотелось работать и расти карьерно. Благо, что примеров было много. Журналисты – арабисты легко и быстро делают себе имя, потому что Ближний Восток щедр не только на солнце, но и на «горячие точки». Но меня, неопытную и зеленую, не спешили отправлять в регион, да и серьезного повода не наблюдалось. Да, то и дело обострялись арабо -израильские отношения, но на этом направлении работали «свои», ничего нового там изобрести не получилось бы. Я сидела в Москве штабной крысой, занимаясь преимущественно переводами каких -то бесконечных арабских статей «в стол», хоть мой начальник и говорил, что это просто идеальная работа для молодого сотрудника – набиваешь руку, подтягиваешь язык... Я хотела в поле, я жаждала славы. Настал и мой звездный час. Здесь и сейчас.

Очередная арабская весна... Социальные противоречия, недовольство властью, религиозные конфликты – все это в одночасье прорвало плотину действовавшего на Ближнем Востоке уже не одно десятилетие статуса -кво. Целая плеяда стран опять, как много лет назад, были охвачены революционной горячкой с разной степенью интенсивности вооруженных действий. Для этих государств и проживающих в них людей эта арабская весна стала трагедией, а для нас, журналистов, неиссякаемым кладом тем и информации для самопиара. Сколько новых имен заняли свое место на журналистском пьедестале благодаря молниеносному реагированию на происходившее. Да кого только здесь не было – штатные корреспонденты, стрингеры, блогеры, гонзожурналисты. Параллельно с традиционной войной, на Ближнем Востоке

шла более изощренная и противоречивая – война информационная. Когда в марте 2031 года арабская весна началась и в Сирии, я поняла, что это мой лотерейный билет...

Глава 2

– Послушайте, я устала – с тяжестью прошептала девушка, обхватив голову руками, – не знаю, зачем я вообще все это рассказываю... Бред какой -то...

Она пробубнила последние слова себе под нос и уже было встала, чтобы выбежать прочь из кабинета, как она делала уже множество раз, но доктор была решительна в своем настрое. Только- только что- то начало получаться...

– Подождите, – несвойственно громко произнесла Анна Петровна, – Вы не должны уходить сейчас, Влада! Расскажите мне все! Обязательно расскажите! Если Вы устали, мы можем продолжить завтра... Но если есть силы...

Девушка колебалась, стоя в дверях... Воспоминания терзали ее, но в то же время лились бальзамом на ее душевные раны. Рассказ обо всем, «с нуля», словно переносил ее обратно. Переносил в то время, которое она потеряла безвозвратно... Влада впервые почувствовала какую- то легкость... Нет- нет, боль оставалась, она давила на нее, словно мешок булыжников на грудь утопленника, но вместе с тем, появилось какое- то странное ощущение катарсиса, очищения, освобождения... Слово долго зревший и болевший гнойник прорвался... Все равно болит и краснеет, но уже не так...

– Я смогла уговорить начальство отправить меня в Дамаск в составе группы журналистов тем августом 2031 года. Мы не были командой, у каждого из нас был свой план, как выпустить лучший материал и получить больше всего карьерных бонусов и денег. Мне помогло то, что я хорошо владела сирийским диалектом арабского языка благодаря стажировке и разбиралась в ситуации в стране. На момент приезда туда у меня уже были друзья еще со студенческих лет, поэтому дело у меня пошло. Я оказалась эффективной, много писала, много куда была вхожа. В итоге вместо двух недель, на которые нас отправили, меня решили продлить на три месяца, формально занять вакантный на тот момент пост постоянного корреспондента информационного агентства «Эра». За его же счет мне сняли милую небольшую квартиру в приятном христианском районе Кусур в центре Дамаска. Я имела изрядную долю свободы, но, конечно, эта свобода резко ограничивалась установленными официальными властями рамками для всех без исключения журналистов. В отличие от стрингеров и блогеров, я не могла, да и не хотела рисковать, нарушая их запреты на перемещения по стране или несанкционированный сбор информации. Здравый смысл был при мне, но сами понимаете, в таких условиях, на фоне более «горячих» репортажей коллег из телеков, как мы в своей среде называли телевизионных корреспондентов, и «свободных поэтов», которые работали за свой счет, но имели возможность продавать материал любому СМИ, моя значимость как журналиста уверенно падала к нулевой отметке. Мне срочно нужна была сенсация, но не путем риска для жизни и для репутации агентства. С утра до ночи я судорожно перебирала темы, сюжеты, возможные интервью с представителями режима, но все это не находило отклика у руководства в Москве. Все мои идеи отвергались все с большим градусом раздражения и недовольства моей работой. Нужно было что- то делать.

Эта идея пришла ко мне спонтанно. На одном мероприятии, совершенно тупом, честно говоря. В очередной раз в поисках тем я поперлась на концерт в Дом Оперы. Я даже не помню, что это было... Какие- то дети устроили показательное выступление в честь отбывающих на фронт военных – дико политизировано и примитивизировано, как это обычно бывает со всем, что связано с официальной пропагандой и детской самодеятельностью.

Там, в фойе, я и увидела Его. Даже не увидела, нет. Помню, как сердце ушло в пятки, когда к прозрачным дверям ярко залитого солнцем зала подъехали три шикарные машины и из центральной двери легкой походкой выпорхнул Он. Высокий, уверенный в себе, ослабленный, невыносимо красивый – темно- пепельные густые непослушные волосы, светлая

кожа, легкая щетина, голубые глаза. Он был в джинсах, расстегнутой небрежно на шее темной рубашке и пиджаке в стиле кэжуал. Такой, непринужденный красавец, смотревший на всех одновременно и добродушно, и снисходительно, потому что понимал с детства – равных нет и не было. Не от кого ждать конкуренции. Его охранники вмиг собрали вокруг него невидимый щит недоступности, хотя он со всеми был максимально приветлив.

В тот день я в числе еще сотни других гостей этого нелепого мероприятия смотрела на его истинную звезду. Именно на него пришли поглазеть все эти люди, как бы умилительно маленькие детишки ни пели патриотические песенки о Сирии, на Него – самого популярного и желанного мужчину в сирийском правящем классе, неофициальное лицо режима, одного из самых влиятельных его теневого руководителей, самых амбициозных и перспективных. Тридцатилетний красавец, он не сходил ни с местных, ни с западных таблоидов. СМИ его любили и ненавидели, потому что именно он с легкостью ими дирижировал, как хотел, являясь негласным руководителем сирийской пропаганды, одним из авторов и хранителей его идеологии. И при этом ни одного интервью, ни одного слова прессе. И если и был в Сирии человек, более обожаемый или ненавидимый, чем Президент, то это был его неофициальный родной племянник Васель Увейдат. Я смотрела на него и понимала – вот Он нужен мне для интервью. Смогу его получить – выиграю джек пот.

Меня он даже не заметил, конечно. Быстро проследовал с организатором этого глупого торжества в зал. Да и чего я ждала? Знаете, когда видишь таких мужчин, невольно хочется, чтобы они пробежали по тебе хотя бы легкой, небрежной улыбкой. О таком обычно помнят годами. Это то, что тешит женское эго. Ради чего мы красимся, одеваемся и прихорашиваемся, кто бы что ни заливал, что делается это исключительно для себя.

Влада задумалась, машинально поправила волосы, словно прихорашиваясь, словно действительно воспоминания переносили ее в тот день и в тот зал.

– Не то, чтобы я была в себе не уверена. Но мою привлекательность нельзя назвать шокирующей, зачаровывающей... Я достаточно объективна и критична сама к себе.

Доктор не стала ее перебивать, задумалась над ее утверждением. Вроде бы, действительно, Влада относилась скорее к тому типу женщин, которые влюбляли в себя при более близком знакомстве. Тогда, когда открывался их шарм, очарование, внутренняя харизма и природная сексуальность, заложенная в генетическом коде... Но вот можно ли было так влюбиться в нее с первого взгляда, да еще на отдалении? Смотря на бледную, осунувшуюся от депрессии девушку, поверить в это было трудно. Но умудренная опытом доктор как женщина все-таки понимала, во Владе было главное – порода. Даже в этом дурацком больничном халате, без макияжа, с собранными волосами, она все равно приковывала к себе внимание. Стройная, даже худощавая. В то же время, очень женственная. Томные светло-карие глаза, на солнце светящиеся янтарем, пухлые губы, очень редкого медового оттенка натуральные волосы...

Влада тоже молчала, вспоминая ту себя. В последние недели она редко смотрелась в зеркало. Не хотела, боялась, незачем. В ее восприятии она была все еще в том образе себя самой. Она мало красилась... Пудра. Бесцветный блеск для губ... Исключением были глаза. Она всегда их подводила черным. Так ей еще в 17 лет посоветовала тетка. Бэлла Константиновна знала толк в красоте. В своих шестьдесят она могла дать фору многим сорокалетним. Она сказала, что это еще больше подчеркивает «янтарь» ее глаз. В Москве ее макияж «смоки айс» часто относили к увлечению восточной культурой, но познакомившись с арабским миром в реальности, она поняла, что ее мейк ап был несоизмеримо более легким, чем у арабов. Те обычно мазали глаза несколькими слоями сурьмы, обрамляя их обильным количеством теней и туши. Со временем она даже пришла к выводу, что ее макияж скорее не метод привлечь внимание, а способ защитить себя... Эта мысль посетила Владу после того, как она прочитала, что на древнем Востоке, в частности, в Месопотамии или Египте, все мужчины и женщины для защиты

от злых духов и сглаза обводили свои глаза черным цветом...Но Владу от злых духов такой прием так и не защитил...

Глава 3

– Влада, Вы уже минут десять просто молчите. Все нормально? – Анна Петровна вернула ее к реальности.

– Все таки я очень устала и хочу уйти, – она приподнялась на лежанке и потерла глаза.

Влада злилась на самую себя. С ее стороны было ошибкой что-то рассказывать назойливой докторше. На что она надеялась? На облегчение? На понимание? Не получила ни того, ни другого. Уже в своей палате, лежа на кровати и смотря в окно на падающие с белого неба первые снежные хлопья, она вспоминала дальше. Эти воспоминания были только ее. Ими она не будет делиться, ни за что. Она закрыла глаза, словно желая вернуться обратно туда, в тот день.

Васель Увейдат. «Золотой внук», – шептали ему в спину. Его называли фамилией матери Увейдат только потому, что он родился вне брака. На самом деле он был истинным Васелем Али. При том, почти точная копия своего отца Хусейна Али – старшего сына первого президента Сирии Захида Али. Хусейн трагически погиб в авиакатастрофе более двадцати лет назад. Любой работающий в Сирии иностранец знал, что старший сын Захида был реальным преемником главы государства, и воспитывался именно для этого. Все к этому шло, если бы не трагическая случайность, когда управляемый им спортивный винтовой самолет разбился и унес жизнь молодого мужчины в самом расцвете лет... Хусейн во всем должен был быть номер один – лучший водитель, лучший пловец, лучший наездник, лучший пилот... Нельзя быть лучшим во всем... Это вызывает зависть богов...

Горе было неопишваемым у всей страны... Официально наследников неженатый сын не оставил, так как был «слишком молодым». Но неофициально все знали – молодым для старости, но не для того, чтобы делать детей. Тот факт, что он был холост, не помешал ему завести роман с одной местной красоткой. Да что там одной, у него их были сотни. Та самая просто оказалась умнее... Или наоборот, глупее... Хусейн скончался в возрасте 32 лет, тогда, когда Васелю было уже целых 11 лет. Как сплетничали в Дамаске, сразу после того, как девушка из семьи Увейдат забеременела, мать Хусейна, жена Захида Али Мадлен, заставила всю их семью переехать на Кипр. За неделю им купили шикарную виллу в районе Айя Напы, а на счет в одном из оффшорных банков Кипра бросили солидную сумму денег. Мальчик рос вдали от родины, пока не произошла трагедия с его отцом. Поговаривали, что убитый горем Захид Али за день состарился на десять лет, впал в глубочайшую депрессию, отказался от воды и еды. Мудрая жена, годами сносившая его самодурство и загулы, знала, что делать, нужно было дать убитому горем отцу хотя бы «частичку» сына. Мальчика вернули на родину. С тех пор Васель Увейдат рос под крылом президентской семьи, как ее неотъемлемая часть, но в то же время, под фамилией матери. Мудрая бабушка и тут все предусмотрела – мальчик должен был радовать глаза дедушке, но не покушаться на трон – это место было завещано перейти ее среднему сыну Басему Али, родному брату погибшего Хусейна, как это в итоге и произошло. Еще один ее сын – самый младший, самый неуправляемый и дерзкий из детей Авад, разница в возрасте у которого с Васелем была всего семь лет, так и не нашел общего языка с новоявленным родственником. Но опять же, об этом только ходили слухи. Формально, перед камерами, на семейных фото и государственных приемах, семья являла идиллическую картину.

Вся эта история не давала Владе покоя. Она стала наводить справки, и самым верным и ценным «источником информации» для нее оказалась Амани. Судьба свела их еще в годы языковой практики Влады в Сирии. Дочь губернатора Дамаска, она в равной степени имела обширные связи и столь же широкую душу. Амани была очень веселой и компанейской девочкой. Она училась в Австралии, однако из-за какой-то мутной истории учебу не окончила,

вернувшись под опеку родителей. Немудрено, что не прошло и года после ее возвращения, как она вышла замуж за друга семьи, приближенного к президентскому клану, как здесь любили козырять. Деньги к деньгам. Аmani мастерски лавировала в интригах строгого на суждения дамасского светского общества, при этом плохо держа язык за зубами, и в этом плане была неиссякаемым источником информации.

– Тебя интересует, как ты можешь мотивировать Васеля дать тебе эксклюзивное интервью? – скептически приняла Влади́ну отчаянную идею Аmani. Девушка не стала лукавить и решила выложить ей все, как есть – что кровь из носа надо получить это интервью...

– Ха, да никак! Чем его мотивировать, если он и так владеет всей Сирией! Их семья все- сильна и не нуждается в помощи. А уж с журналистами... Особенно журналистками молоденькими.. – она хихикнула – . Таких, как ты, не в обиду тебе, дорогая, они не ставят ни во что. И поэтому советую тебе держаться от него подальше!

Влада кивнула головой, согласившись с ее утверждением. Она сама все это прекрасно понимала.

– Знаешь, в принципе он хороший парень. Меценат. Много помогает молодым, бедным, сиротам. Реально помогает, а не на словах. Он несколько лет назад, насколько я знаю, обязался отдавать на благотворительность часть своего дохода. Но это все так, внешняя сторона... Не ведись на все это. Потому что он еще и один из хиялей... – добавила вкрадчиво Аmani.

С начала революции в стране это странное арабское слово заполонило англоязычные статьи про Сирию, стало нарицательным и известным повсеместно. Так обозначали военизированных сторонников президента и его семьи. Их сравнивали с сицилийскими мафиози за ту же наглость, вседозволенность и занятие черными, нечистыми делами. Да, она знала это из СМИ, видела накаченных ребят с символикой сирийского режима и оружием по городу – в ресторанах, борзо ведущих себя на дорогах в затонированных джипах, но все это казалось ей немного преувеличенным, как это любят делать в прессе... Большая их часть была совершенно безобидна, и пороху то не нюхав. Напротив, настоящие боевики на стороне режима вот так эпатажно светиться не стали бы...

– И что? – в шоке переспросила Влада, – ты хочешь сказать, что Васель – головорез – убийца, как рисуют западные СМИ хиялей?! – все это никак не укладывалось в ее голове.

– Ну нет, не совсем так, – пояснила собеседница, явно получающая скрытое удовольствие от того, что ее так внимательно слушают, – конечно, он не головорез... Как бы выразиться правильной... Он скорее руководит головорезами. Васель твой – один из идеологов всей этой системы, как говорят помимо официального бизнеса, у него в подчинении несколько сотен ребят – это его личные воспитанники – он их поит, кормит, одевает, тренирует, снабжает оружием... И таких подразделений немало, не только у одного Васеля, я знаю и других ребят – его родственников, друзей из их клана... Вот так...

Влада слушала, затаив дыхание. Она не могла представить, что тот красивый образованный мужчина с бархатным взглядом и голосом может отправлять кого- то убивать людей и может быть даже убивать сам, о чем ей страшно было даже подумать.

– Как мне выйти на него? – полушепотом произнесла девушка.

Аmani вздохнула, давая понять, что надеялась – девушка передумает,

– Ох, подруга. И упрямая же ты. Ладно, я напишу тебе адрес одного из его офисов, где он бывает по вторникам. Я сама- то знаю только потому, что муж иногда туда ездит по каким- то делам. Но имей в виду, я понятия не имею, как тебе туда проникнуть... Там обычный пост охраны, как и везде. Но ты же понимаешь, что с этими ребятами не договоришься. Они рассмеются тебе в лицо, если ты скажешь, зачем пришла...

Влада смотрела в пол и думала, в комнате повисло молчание.

– Дам тебе совет. Как женщина женщине... – заключила свое повествование Аmani, – Даже если тебе удастся каким- то чудом на него выйти и пообщаться, ограничься только интервью. Он красив и сексуален, как бог. За ним весь Дамаск бегают, девки с ума сходят, готовы на все, что угодно. Он просто как телезвезда. У них в семье многие ничего, но не такие... И он пользуется этим, не святой он. И ты держись от него подальше. Не потому, что вокруг много баб и будет много нервов, просто он не для тебя. Не получится у вас... – сказала она, и вдруг кинулась подруге на шею.

Влада хотела было ей что- то возразить, но поняла, что сама раздираема тысячами противоречий. Она страстно желала это интервью. Только интервью? Конечно, такой, как Васель, не мог не привлекать... Голова лопалась от мыслей. Одно дело, если бы она была опытной охотницей, умудренной опытом и прошедшей немало жизненных уроков. Но идти к нему в ее положении – все равно, что цыпленку в псарню... Он сожрет ее и не поперхнет. Этот человек во всех смыслах опасен. Он увидит ее насквозь. И любой исход их знакомства может стать катастрофичным для нее. Он может попросту рассмеяться и послать ее на все четыре стороны. Действительно, он ведь ни раз за все время конфликта даже не подумал пообщаться с кем- либо из журналистов, при этом ведя достаточно открытый образ жизни. Его фото были везде – а слова – никогда... Да и вообще, чем все это закончится. Проникнув к нему, в офис, выберется ли она оттуда живой?

– Либо пан, либо пропал, – пронеслось у нее в голове. Она усмехнулась, решив пойти ва- банк.

Правильно ли она тогда поступила, что пошла туда? Конечно, нет. Конечно, нужно было бежать от Него сломя голову.

Глава 4

Дамаск, август 2031 года

Она стояла у зеркала и рассматривала свою отражение. Красивое, серо-серебристое новое платье от Армани, обтягивающее сверху, а снизу – юбка клеш выше колен. Белая сумка Шанель. Туфли Лабутан. Она тратила почти все заработанное и все, что давала тетка, на шмотки. Любила красиво одеваться, может потому, что это немногое, чем можно было себя порадовать после стольких годов унылой униформы в интернате. Накрутила кончики волос, хотя они не слушались, потому что волосы были слишком влажными. Но это была ее извечная проблема... Потом плюнула и закрутила их в рогалик. По опыту это помогало где-то через полчаса получить красивые свободные кудри. То, что нужно... Немного косметики. Духи...

Идея была отчаянной и глупой. Где гарантия, что он вообще примет ее, даже если он действительно здесь, в этом офисе... Может быть, все это обернется неприятностями... В тысячный раз в голове крутились эти пресловутые сомнения. Через сорок минут она все-таки сидела в своей машине, также арендованной по приезду на деньги агентства, и уверенно топила по указанному Аmani адресу, на ходу нервно стягивая резинку с волос. Пряди каскадом рассыпались по плечам, и почему-то это придало Владе больше уверенности в себе, а может просто появилось иллюзорное ощущение защиты. Именно за это с детства она любила длинные волосы.

Собрав все силы в кулак и не обращая внимание на бешеный стук сердца, она нагло заехала на тротуар прямо напротив будки охраны у офиса Увейдата. В то время, как ошалевшие и напрягшиеся военные выскочили из-под навеса, девушка невозмутимо, немного эксцентрично, но не без толики элегантности вышла из машины, с силой хлопнула дверью и уверенной походкой, рассыпающей звонкое эхо по улице от стука острых каблуков, зашагала ко входу, нарочито громко и отвязно восклицая вслух на арабском,

– Да что он о себе возомнил? Козел!

– Простите, мадам? – подбежал обескураженный от ее демарша охранник,

Стараясь не выдавать своего волнения, Влада продолжила в том же духе,

– Быстро отведите меня к нему, или я устрою такой скандал, что услышат в соседнем Ливане!

Проходившие мимо люди стали многозначительно оглядываться на них. Любой разговор на повышенных тонах на сирийской улице в толику секунды привлекает зевак подобно тому, как разлитый мед – полчища муравьев. А нынешняя ситуация вообще была подобна приземлению НЛО на одну из улиц Дамаска, – как бы хорошо она ни говорила по-арабски, ее акцент был очевиден, наряд – уж крайне смел, а стоящая криво-косо машина у столь охраняемого объекта только подогревала всеобщий интерес.

Словно надеясь хоть как-то спасти ситуацию, полушепотом охранник стал ее уговаривать,

– Успокойтесь, мадам. Секунду, подождите секунду.

Начались какие-то вкрадчивые переключки по рации. Второй парень с контрольно-пропускного пункта, смотревший на Владу открыв рот, стал судорожно звонить куда-то по домофону.

– Не буду я ничего ждать! Сказала же, отведите меня к Васелю! Немедленно! Он знает, кто я! – от нервов ее крик перешел на визг, что придало ее эскападе еще больше драматизма.

Влада сама не поняла, как так вышло, но через пару минут она уже ехала с полностью обескураженным охранником в узком лифте. Ее сердце было готово выпрыгнуть из грудной клетки от шока, страха и адреналина. Охранник старался не смотреть на девушку, но интерес был сильнее. Оценивающие, любопытные взгляды украдкой с примесью осуждения и подав-

ленного гнева. Он явно не привык к такому поведению женщин. Черт знает что он думал о ней. Наверняка, ничего хорошего. Еще бы. Если бы в другой ситуации кто – то ее так озирали, она бы пришла в бешенство. Но сейчас победа была слишком близка, чтобы думать о морали и гордости. Журналистская кровь ударила в голову адреналином, азарт победил логику. В тот момент Влада думала только об одном – как бы не упасть от волнения...

Охранник указал на дверь и ретировался. Она выдохнула. Все будет зависеть от того, как дело пойдет дальше. Собрав все силы в кулак, подошла к двери, как можно элегантнее (как она думала) постучалась и, выдержав паузу, повернула ручку. Шаг. Казалось, что стук ее сердца раздается по всему дому. Еще шаг. Она внутри. Тише. Тише. Спокойно, дура. Закрывает за собой дверь и поднимает глаза.

За большим столом напротив нее сидит Он... Если бы перед ней выстроили три сотни молодых сирийцев, она бы с легкостью выбрала именно его. Даже если бы никогда его раньше не видела, она бы его узнала... Узнала, даже если бы он был в лохмотьях, а не в дорогой одежде... Именно этого умопомрачительного незнакомца, обворожительная, лукавая улыбка которого заставила ее сердце совершить тройной сальто мортале. Да, оно точно несколько раз остановилось и снова пошло с нереальной скоростью. Скоростью света. Именно с такой скоростью, с какой искры от его лучезарно голубых, но в то же время жгучих и пронзительных глаз успели прожечь ее щеки. Как хорошо, что в комнате полумрак и он не видел ее смятения...

– Вдох- выдох, вдох- выдох. Успокойся! – кричит ее подсознание, в то время, как Он что-то говорит своим бархатным и глубоким голосом.

Он смотрит нагло и открыто. Оценивающе. Лениво. Вальяжно.

Она стоит, борясь с сердцебиением, которое уже в горле. Бежать, бежать отсюда. Провалиться сразу на первый этаж со стыда.

– Сегодня скверный день. Но это было забавно, – начал он на почти идеальном русском, – увидел в камеру девушку в платье «а- ля трахни меня» у моей казармы, да еще и устроившую такой цирк. Ты либо дура, либо очень смелая.

Почему- то его дерзкие слова и вальяжный тон ее взбесили и тем самым немного успокоили. Значит, ее игра оказалась не так паршива. Это осознание словно придало внутренней мотивации. Откуда- то появилась уверенность в себе, какая- то инстинктивная, примитивная, исходящая из самого женского нутра. Она небрежно, но грациозно присела на указанный им стул.

– И то и другое, думаю, – ответила она на не менее хорошем, чем его русский, арабском.

Он удивленно, но одобряюще вскинул бровь, – в смысле?

– И дура, и смелая.

Васель засмеялся.

– Журналистка Влада Пятницкая, российское информационное агентство «Эра», – ее представление словно окрасило в прозаичные тона их беседу.

– Журналистка? –немного с разочарованием произнес он, – мне стоило догадаться. Русская?

– Как видите.

– И что же ты сюда пришла, журналистка? – он откинулся на стул, снова оценивающе бегая глазами по ее телу. Уже более цинично что ли.

– Хочу взять у Вас громкое интервью и прославиться, – сказала она честно.

– И почему я должен его дать именно тебе, русская журналистка? Ты же знаешь, что я не даю интервью...

– Потому что это меня прославит, – она понимала весь абсурд своей аргументации, но почему- то ей казалось, что его это привлечет больше, чем тупые восторженные дифирамбы.

– И что мне от твоей славы? Может ты бездарная. Я тебя знать не знаю. Думаешь, ко мне не пытаются попасть другие журналистки? Думаешь, они тоже не одеваются в вызывающие платья и не строят мне глазки?

Он встал, скрестив руки, подошел к ней ближе, облокотившись на стол. На лице наглая усмешка.

Влада старалась выдержать зрительную дуэль, хоть это было и не просто.

– Думаю, приходят. И предлагают тебе все и сразу. И более известные. И более талантливые, – она перестала выкать ему. Разговор был слишком двусмысленный, чтобы сохранять одностороннюю вежливость, если она вообще была уместна в созданной ею ситуации, – но почему-то ты их не пропускаешь в свою святая – святых. И не тратишь на пустой разговор с ними кучу своего драгоценного времени.

Он звонко засмеялся. Искренне. Задорно.

– А если трачу? Если пускаю всех и не только пускаю, но и трахаю? На этом самом столе. Он кивнул в сторону своего шикарного рабочего места.

Кровь прилила к лицу. Стало немного страшно и не по себе.

– Может и трахаешь. Но тогда они еще глупее меня, а я – то думала, что для журналистки хуже уже некуда.

Он снова широко и открыто улыбнулся, как обычно улыбаются, когда общение с человеком приносит удовольствие. Ему определенно нравилось ее чувство юмора. Это вселяло надежду.

– И почему же? – он был еще ближе. И взгляд его уже обжигал.

Влада встала, нарушение личного пространства полностью выбьет ее из колеи, а сохранение самообладания было ой как нужно в этой ситуации.

– Потому что глупо трахнуть с тобой и не взять интервью. Читателям было бы интересно все, даже как ты стонешь во время секса и что говоришь, когда кончаешь.

Он молчал. Взгляд потемнел. Стал иссини-пронзительным. Облизал губы. Подошел к ней вплотную, легко надавил на плечи, заставив сесть обратно на стул, от чего по телу Влады пробежала электрическая волна. Взял еще один стул, развернул к ней и присел так, что она оказалась между его двумя расставленными по-хозяйски ногами.

– Так давай проверим, – она уже чувствовала его дыхание, так близко он был.

– Васель Увейдат. Ты дашь мне интервью. Расскажешь обо всем, что захочешь, но трахаться мы не будем, – сказала Влада сосредоточенно и по-деловому.

Все равно если он и заглотнул наживку, то это уже произошло. Дальнейшее размусоливание этой темы только сделает ее в его глазах очередной грязной дешевкой.

Он опять усмехнулся, не сводя с нее своего пристального взгляда.

– Нет, не дура. Сумасшедшая. И очень смелая. То, что надо...

Несколько секунд они так и смотрели друг на друга не отрываясь, пока не раздался громкий и нервный звонок одного и телефонов на столе Увейдата. Васель нехотя отвлекся. Поднял трубку и вкрадчиво что – то ответил.

– Я бы с удовольствием продолжил наш разговор, но дела зовут. Посмотрел на свои «Ролексы» и на календарь.

– В пятницу, в три часа дня, будь готова. Тебя заберет водитель. Поговорим.

– Это значит «да»? – сохраняя сдержанность, переспросила Влада.

– Если ты о том, изнасилую ли я тебя в этот день, а потом убью и закопаю, то нет.

Влада фыркнула. – Я об интервью.

– Поговорим, – повторил он твердо.

Васель нажал кнопку на селекторе и позвал некого Ахмада. В дверях тут же появился тот самый парень, который и привел сюда Владу, приняв основной шквал ее наигранной истерики.

Теперь он явно выглядел поспокойнее, поняв, что все живы, здоровы и целы, включая его самого.

– Не спрашиваю, нужно ли тебя подвезти. Будь добра, убери свою машину от будки моих охранников, которую ты чуть не протаранила, а то эту милую инсталляцию уже фотографируют прохожие.

Было видно, его все еще дико забавляло произошедшее.

– И да, постарайся без каблуков и вызывающих платьев. Мы будем на природе.

Влада неподвижно стояла в своем подъезде, опершись об стену. Ноги ее подкашивались... Столько эмоций одновременно... Они были замешаны на всем – волнении, реактивном сердцебиении, испуге, усталости, сомнениях... Только сейчас она дала волю чувствам, всю дорогу от Увейдата домой ехала в неотпускавшем напряжении. После трех – четырех минут, проведенных в таком положении, она, наконец, сдвинулась с места. Девушка даже не помнила, как поднялась по лестнице, открыла дверь, зашла в свою квартиру, сняла с себя вещи, переоделась в пижаму... Все ее мысли были обращены к их разговору...

Из забытья ее смог вывести только задремавший в сумке телефон. Как всегда долго копаясь в своем «складе», как она называла все свои сумки, вне зависимости от их размера способные вмещать самые различные предметы, она, наконец, нашарила ай – фон. На другом конце была Аmani.

– Ну что? – с толикой волнения и пудом любопытства спросила она.

– Кажется, он заглотив наживку, – тихо ответила Влада. Только в ее словах было мало уверенности. Не покидало какое – то интуитивное чувство, что наживка – именно она...

Глава 5

Только немного отойдя от шока после их встречи, она поняла, что не оставила никаких контактов Васелю, его номера у нее тоже не было, да даже если бы и был, писать ему она уж точно побоялась бы. Что – то, однако, ей подсказывало, что ему вовсе не нужны были ее контакты, он и так все про нее сможет узнать в одночасье. Логика ее не подвела – вечером накануне обговоренной даты на телефон пришло смс с подтверждением того, что все в силе и что водитель будет у нее в два тридцать дня. Сообщение было сухим и отстраненным. Конечно же, писал не сам Васель и не со своего телефона, это был кто – то из его помощников. Нужно быть совсем наивной душой, чтобы полагать, что он свяжется с ней со своего личного контакта... Почему – то это задело девушку, хотя должно было, наоборот, обрадовать – если речь все – таки идет о деловом сотрудничестве, то так общаться намного правильнее и спокойнее.

И вот, в обозначенный день и час Влада неслась на пассажирском сиденье новенького Мерседеса представительского класса в направлении элитных пригородов Дамаска, располагавшихся на трассе в Ливан. Откинув в сторону ворох мыслей, вертящихся у нее в голове, вместе с копной своих небрежно уложенных волос, поправив красивое, но в меру скромное шелковое платье в пол в модном кантри – стиле, она сосредоточилась на списке вопросов, которые надеялась все – таки задать Васелю. При ней был блокнот и диктофон, но, как говорили старшие коллеги, готовой нужно было быть ко всему, поэтому она решила лишний раз проговорить все, о чем хотела спросить, про себя. Вдруг не получится прибегнуть ни к одному из устройств и придется интервьюировать его на ходу не под запись.

Каково же было ее разочарование, когда на подъезде к некому загородному клубу, скорее всего, конному, как успела заметить девушка, судя по открывающемуся пейзажу за окном, у нее вежливо изъяли все, включая сумку, телефон, диктофон, блокнот. Она в буквальном смысле осталась с голыми руками.

– Хорошо, что хоть платье не сняли, – подумала она язвительно, досадуя на произошедшее.

– Йя аниса (*араб. – девушка*), Вас уже ждут, зайдите в холл, – указал на широкие прозрачные двери, открывающие путь в красивое стеклянное сооружение в футуристическом стиле, водитель. Влада вышла из машины, мельком поймав свое отражение в ее стекле, и проследовала по указанному пути.

Он сидел в холле за журнальным столиком, что – то читал в айпэде и пил кофе. Как всегда, безукоризненный, в белом поло Ральф Лорен, расстегнутом на одну пуговицу. Его короткие рукава обтягивали натренированные руки. Не перекачанные, а ухоженные. Руки уверенного мужчины, следящего за собой, но не сублимирующего личную жизнь спортом.

Она по привычке провела руками по волосам и закинула их на одну сторону. В эту минуту их взгляды пересеклись. Васель улыбнулся и встал.

– Ты сегодня не менее обворожительна, чем в нашу первую встречу, Влада, – он взял ее руку и галантно поцеловал. – правда, почему – то упорно игнорируешь все правила в отношении дресс – кода.

– И я рада тебя видеть, – пожалала она плечами, – разве мне кто – то сказал, что мы будем в конном клубе? А так все соблюдено – платье вполне себе приличное и очень расслабленное.

Его губы снова растянулись в вальяжной улыбке, – вот именно, слишком приличное. Но ничего, мы это исправим, – весело подмигнул он ей.

– Так, стоп, мы же договорились, – она перебила его, не желая, чтобы долгожданный разговор так быстро скатился на его недвусмысленные намеки.

– Тсс, не волнуйся, я шучу. Предлагаю просто переодеться в более удобный для конной езды костюм. Не будешь же ты делать это в платье.

Влада недовольно сжала губы. Она не очень любила, да и не очень умела кататься на лошадях. В детстве ее больно пнул какой – то бешеный пони в контактном зоопарке, понятное дело, никто с девчонкой из интерната ее детские травмы не прорабатывал. С тех пор сохранился страх и непонимание в отношении любого парнокопытного существа. Но делать было нечего, она и так лишилась своей техники и теперь надеялась только на «чертоги» разума и хорошую память. Вступать с ним в клинч было бесполезно, если она хотела выбить из него хоть какое – то подобие интервью.

Костюм действительно оказался более удобным. Для верховой езды и для того, чтобы без труда рассмотреть мельчайшие детали фигуры Влады. Обтягивающее, молочного цвета поло, гиперприталенные жокейские штаны и высокие сапоги.

– В таком наряде даже грех кататься, – выйдя из раздевалки, смущенно усмехнулась Влада.

– Такую фигуру грех не показывать, – сквозь довольную улыбку ответил Васель, скользя по ней своим пронзительным взглядом. – Пойдем, покажешь свои таланты наездницы.

Девушка закатила глаза. И почему все, что он говорил, имело такой противоречивый, двоякий смысл, а может это она его видела там, где нет...

– Едва ли я тебя удивлю. Я и кататься толком не умею.

– Отсутствие опыта всегда поправимо, Влада, – Васель, казалось бы, непринужденно и безобидно придержал ее за спину, а у нее по всему телу пробежали мурашки.

Он гладил лошадь любовно, нежно, собственнически.

– Знаешь, хорошая наездница – всегда замечательная любовница и успешная женщина, получающая от мира все, что захочет. И не только потому, что ее таз натренирован. Она понимает логику этого мира. Когда ты можешь объездить строптивую кобылу, ты начинаешь понимать мужчин, подстраиваться под их логику и в конечном счете выигрывать. Покориться, но не прогнуться, принять неизбежное, но сделать это грациозно, чтобы тобой восхитились все – и тот, кто тебя покорила, и те, кто это видели.

– Так женщина – наездница или кобыла?

Васель усмехнулся,

– Каждая сама вправе сделать выбор. Сама решает, где ей быть. Взвалить на себя все тяготы мира, как ломовая лошадь, или бежать галопом сверху на ком – то. А ты, Влада, любишь быть сверху или под кем – то? – он бросил на нее острый, обжигающий взгляд.

Она прокашлялась, – мне кажется, этот разговор неуместен. Я вообще пока плохо понимаю, что здесь делаю. Мы договаривались о другом. Смогу я взять это чертово интервью или нет? – нервы начинали сдавать. В этих обтягивающих штанах, рядом с сопящей лошадью и его коварством она чувствовала себя в западне.

– Мы ни о чем пока не договаривались, девочка, – отрезал он, – я сказал, что мы поговорим. О многом поговорим, но, конечно, не под запись.

На секунду она испугалась, что он выгонит ее, и на этом все закончится, абсолютно все...

– Сейчас я дам тебе урок верховой езды. А потом попьем кофе и обстоятельно поговорим, я держу свое слово, – смягчился и взял себя в руки Васель.

Влада хотела было выдохнуть, но не могла – перспектива залезть на лошадь ее пугала. Дальше все было только хуже. Он мастерски подсадил ее, задержав руку на бедре.

– Раздвинь ноги и устройся так, как тебе удобно. Ты должна почувствовать лошадь, стать с ней единым целым. Расслабься, нет не руки расслабляй, расслабься внутренне. Так, осанка, держи осанку, – он провел по ее спине, спустился на бедра. – а теперь бежим по кругу, я держу лошадь...

Через полчаса Влада худо – бедно управлялась сама, немного отступил и страх.

Они теперь скакали рысцей рядом друг с другом, рассматривая открывающийся пейзаж. Эта местность была достаточно зелена для Сирии благодаря близости воды – здесь брала свои истоки река Барада.

– Ну как тебе? – спросил он с энтузиазмом.

– Мне понравилось, Васель. Ты действительно прекрасный учитель, – Влада ответила искренне. За этот час с небольшим она, казалось, полностью избавилась от страха перед лошадьми. По крайней мере, сейчас она чувствовала себя очень органично.

Они повернули обратно и достаточно быстро добрались до того самого стеклянного здания, где Васель ждал Владу по приезду.

– Ну а теперь пойдём и поговорим.

Глава 6

Зашли в одну из комнат, оказавшуюся кабинетом. Интересно, сколько у него кабинетов, – пронеслось в голове у Влады. Стройная субтильная девушка, бесшумная, словно призрак, занесла им два арабских кофе и так же незаметно удалилась. Как только она закрыла за собой дверь, Васель начал.

– Перейдем к делу, Влада. Скажу честно, меня мало интересует общение с журналистами и твой профессиональный успех при всей моей симпатии к тебе как к личности.

Кровь прилила к лицу девушки. Неужели все так прозаично провалится в пропасть?

– Но как ты могла заметить, я трачу на тебя свое время, что делаю крайне редко при отсутствии очевидной выгоды для себя. Думаю, ты не маленькая девочка и даже при всем недостатке опыта, причина тебе понятна.

Влада молчала. Казалось, мозг застыл в тревожном ожидании.

– Просто я хочу тебя, Влада, – тихо и вкрадчиво произнес он. Впервые без улыбки за этот вечер, – с того дня, как увидел.

Он явно ждал ее реакции.

– Я говорю с тобой прямо, потому что это естественно, – тихо и отчетливо продолжал он, после чего в комнате снова повисло молчание, но Влада так и не стала его нарушать. – Зачем обертки? Я не люблю целлофан. Надо говорить о сущности. А сущность тут очевидна. Я хочу тебя, Влада. И как мне подсказывает мой опыт, а поверь мне, он немаленький, ты тоже меня хочешь. Не так ли? Боишься, но хочешь... – Последняя фраза была явно сказана так, чтобы все – таки вытащить из играющей в молчанку девушки хоть слово.

– С чего ты взял, что все это мне интересно? – Она целенаправленно сделала ударение на своих последних словах, – извини, но ты не отличился особой оригинальностью, заявив мне, что питаешь ко мне...эээ...сексуальное влечение.

Он засмеялся. Громко, звучно. Так, как смеются над шалостью ребенка или выходкой смышлённого питомца... Она его... забавляла...

– Я не простак, Влада. И ты тоже. Я знаю. Я вижу. Я чувствую, – сказал он во властном и даже повелительном тоне, – ты закрыта. Стесняешься, а зря. Тебе нечего стесняться. Откройся своим эмоциям.

Он встал и своей вальяжной походкой продефилировал к ней. Подойдя вплотную, Васель взял ее за подбородок и поднял голову так, чтобы их взгляды встретились.

– Послушай, детка. Это самая честная сделка, которую кто бы то ни было может с тобой заключить. Подумай, что я тебе предлагаю. Секс со мной. Твой первый в жизни секс. Лучший секс в твоей жизни. Сказка, о которой мечтают все девушки мира. Взамен я даю тебе самое яркое интервью плюс солидную сумму денег, которые никогда не бывают лишними. Думаю, двести тысяч евро – неплохой старт для начинающей журналистки, живущей в Москве на съемной квартире. Ты получаешь славу и независимость. Чего еще можно желать в твоём молодом возрасте?

– Ты ведешь себя со мной как с проституткой, – резко парировала она, попытавшись высвободиться из его захвата, – а я не такая!

– Какой бред, Влада, – раздраженно усмехнулся Васель, – Я не разговариваю с проститутками, они нужны для другого. Я веду себя с тобой так, как ты сама позволила мне это делать. Ты пришла в мой офис и открыто предлагала себя. Не притворяйся, что это не так. На что ты рассчитывала? С чего мне просто так давать тебе интервью? Ты же не Аманпур с Би – Би – Си и даже не ваш российский Киселев, хотя и они не выбили бы из меня и одного комментария. Я мог бы запросто поймать тебя и вышвырнуть еще там, в своем кабинете, но ты мне интересна, скажем так, немного больше, чем на полчаса. Поэтому я предлагаю тебе честную и гораздо

более выгодную сделку. Никаких отношений, никаких обязательств. Ты будешь свободна, как только мы, так скажем, консумируем наш уговор. Я не прошу, чтобы ты отдалась мне здесь и сразу. Все – таки это твой первый раз, все будет красиво и тогда, когда я пойму, что ты готова. Поверь мне, твоя статья выйдет довольно скоро, я смогу сделать так, что твоя готовность «реализовать» сделку наступит очень быстро. Ты проведешь незабываемый вик – энд, а после этого проснешься знаменитостью.

Она молчала, глубоко дыша, а он продолжал ее уговаривать,

– Ты уже не ребенок. Тебе двадцать три. Ты красивая девушка, все естество которой уже давно готово к нормальным отношениям с мужчиной. Признаться, я был шокирован, когда понял, что ты еще девственница...

– И когда ты понял? – словно это единственное, что волновало ее в этот момент, спросила Влада, – хотя зачем я спрашиваю, ты же явно навел обо мне все возможные справки.

Он улыбнулся наставнически – снисходительной улыбкой.

– Признаться, эту информацию даже не было необходимости запрашивать. Я понял это через пять минут после того, как ты влетела в мой кабинет. Опытный взгляд мужчины всегда отличит ту, кто играет в обольстительницу, от той, кто ею уже является. В тебе огромный потенциал, но он еще не раскрыт, куколка. И поверь мне, я лучший вариант для того, чтобы наставить тебя, скажем так. Сама посуди, кто, если не я? Какой –нибудь задрот из твоих журналистов? Кто? Муж какой –нибудь твоей подружки? Случайный первый встречный?

– Как можно быть столь самонадеянным! – гневно, сквозь зубы, произнесла Влада, пододравшись с места и устремившись к двери. Резко повернула ручку, но та упорно ее не слушалась.

– Черт, как она там открывается!

– Это значит «нет»? – с плохо скрываемым раздражением и проглядывающей сквозь него уязвленностью воскликнул он.

Влада замерла. Она думала. Думала и понимала, что несмотря на весь этот дурацкий разговор, не может просто –напросто вот так взять – и отпустить его... Она перестала дергать ручку и тихо произнесла:

– Нет, это не означает «нет».

Она замолчала, тщательно подбирая слова, он ждал и не перебивал.

– Я должна... подумать, – нерешительно произнесла она.

Его лицо изменилось. Васель уже праздновал свой триумф.

– Как скажешь, куколка. Думай, но не затягивай, а то дам интервью кому – то другому, – он встал с места, подходя к ней, Влада дернулась.

– Не пугайся так. Я не трону тебя до тех пор, пока ты сама не согласишься на мое предложение. Чтобы ты не сомневалась в моей честности, можем оформить все письменно. И по интервью – я дам тебе полную свободу выбора его формата и вопросов. Только надо будет согласовать финальный вариант. Если не хочешь этим заниматься, моя команда может все написать за тебя. Останется только опубликовать.

– Не смей унижать меня еще сильнее! Если я соглашусь, все подготовлю сама, – отрезала чуть ли не плачущая девушка сквозь зубы. – Я сообщу тебе о своем решении.

Он молча кивнул, сглотнув.

– Я отвезу тебя.

– Нет, не стоит, – Влада инстинктивно подняла руку, останавливая его, – попроси кого – то из своих рабов. Мне было достаточно твоего общества на сегодня.

– Я позвоню послезавтра вечером. Сам. К этому времени ты должна решить. Вот договор, если нужно, – он показал на лежавший на столе конверт.

Влада проигнорировала его последние слова и вышла из комнаты. Ручка, наконец, поддалась.

Глава 7

Влада явственно понимала, что падает в пропасть, сломя голову, не видя конца, падает за ним, по его приказанию, без страховки... Она миллионы раз перебирала в голове свой возможный ответ на его предложение, продумывала поведение, меняла по десять раз на день свое решение. Ее терзало столько мыслей и эмоций, что голова разрывалась. Интервью было так близко, а он так далеко... Она боялась признаться себе, но ей было больно. Больно от того, что он хоть и проявил к ней интерес, сразу же обозначил его допустимые границы. Для него она была лишь забавным приключением, экзотическим развлечением на пару дней. А для нее он неизбежно останется в памяти навсегда. Стоило ли это пресловутое интервью и предложенные деньги, пусть и немаленькие, ее чести? Конечно, нет.

И в то же время, он был прав. Разве может быть кто – то лучше него? Наверное, только тот, в кого она сможет страстно влюбиться, а что делать, если это уже произошло? Если он и был тот самый похититель ее сердца. Мы вечно влюбляемся не в тех, в кого надо. Чем больше она думала о нем, тем больше ее мучала ревность к тем женщинам, кто были, есть и будут в его жизни, рядом с ним. Не как она, а как нормальные, полноценные спутницы. Ей даже казалось, что она завидует самому ему, его душевной свободе, тому, что его сердце так надежно защищено броней цинизма и пресыщенности, что у него не может быть таких переживаний, как у нее. Что он вряд ли станет жертвой слабеньких чар неопытной девчушки...

Прошло несколько дней. «Послезавтра», как обещал, Он так и не позвонил. За эти дни Влада погрузилась с головой в работу, не оставляя пространства для тревожащих ее мыслей, однако образ Васеля так и не удалось выкинуть из головы. Девушка не хотела себе признаваться в открытую, но понимала, что с нетерпением ждет хоть какой – то весточки от него. Не мог же он вот так пропасть совсем. Она исправно заряжала телефон и вздрагивала каждый раз, когда приходило смс или раздавался звонок. Наверное, многим знакомо это странное чувство, когда ждешь сообщения или звонка от особого человека. То чувство, когда считанные секунды, отделяют тебя от первых звуков сигнала вызова и момента, когда телефон окажется у тебя в руках и ты узнаешь, кто пишет или звонит. В эти секунды все твое существо – это надежда, смятение, сумасшедшее сердцебиение. Это было глупо, но она не могла с собой ничего поделать... Телефон звонил или приходила смс... Она вздрагивала, но это был все не он и не он...

Так плелись день за днем, сменяя друг друга в пустой суете. Агентство требовало от Влады новых тем и сюжетов, а она не могла думать ни о чем, кроме него. Не могла выдавить из себя и пары скупых строк чисто информационного содержания, тупо скопированных из местных новостей и переведенных на русский. Девушка была почти уверена, что планы Васеля поменялись или что он банально над ней подшутил. Она горько усмехалась сама над собой. Если в первый день была готова послать его на все четыре стороны и отказаться от затеи с интервью, то сейчас ей хотелось его увидеть, даже если бы он сказал, что никакого «сотрудничества» не будет вовсе. Чем больше она обо всем этом думала, тем больше понимала, что готова на его условия. Готова на это даже не ради работы, ради себя. Хоть что – то в этой жизни хотелось сделать не потому, что говорит тетушка, учителя или работодатель. Не потому, что говорит обязанность или здравый смысл. Она хотела пойти на этот сумасшедший шаг, возможно, совершить ошибку, но сделать, а потом уже жалеть, чем вообще не делать... Вот так мы, видимо, и расставляем приоритеты в жизни. Вот так и определяем грани дозволенного... Через пять дней после их разговора в конном клубе Владе было почти все равно, чем он занимается по жизни, что произойдет с ней рядом с ним, что произойдет «после», главное – увидеть его снова, снова заговорить с ним... Снова посмотреть в его пронзительные голубые глаза, отдающие синевой...

Был вечер четверга. Шестой день их разлуки. Уже завтра наступит неделя с тех пор, как они виделись в последний раз. Влада задержалась в Министерстве печати у курировавшей иностранные СМИ сотрудницы. Она была милой девушкой, с которой на руку было поддерживать теплые, дружественные отношения, именно она продлевала разрешения на работу инкоров в стране. Дел особых не было, они заболтались о Москве, где дипломатом работал ее брат. Влада нарочно тянула беседу, просто для того, чтобы не оставаться один на один со своими мыслями. Около пяти после полудня – и ни крошки во рту с самого утра. Аппетит пропал уже как несколько дней.

Когда продолжать беседу было уже попросту неприлично, она попрощалась с коллегой, спустилась вниз, села в машину. Отчаянная, щемящая тоска накрыла ее. Это было глупо и слабо, не по кому еще было тосковать, она его почти не знала, но все равно тосковалось, все равно сосало под ложечкой. Все происходило на автомате, Влада не помнила, как доехала до дома и поднялась в свою квартиру. Не стала принимать душ, тупо переодевшись в свою пижаму. Ее ждали крепкий чай и какой – нибудь пустой фильм, желательно фэнтезийно – исторического содержания. Такие фильмы помогали ей отрываться от реальности, погружаясь на время в детство, не ее, чье – то чужое, идеальное. С ними словно все ее горести и проблемы сходили на нет, возвращая к простым вещам, таким обыденным для детей и таким желанным и недостижимым для взрослых... Из гардеробной послышалась знакомая мелодия – звонил телефон из брошенной там наспех сумки... Помнит, как с отрешенным видом поплелась к нему, чтобы ответить, уверенная на 95 процентов, что это очередной коллега по работе, решивший уточнить что – нибудь. Но пять процентов все же оставляли сумрачную надежду, надежду, которую она боялась, но за которую при этом и цеплялась...

– Здравствуй, красавица, – раздался его бодрый уверенный голос, но с тем же бархатным, чуть уловимым акцентом.

Сердце упало в пятки.

– И тебе не хворать, – как можно невозмутимее парировала Влада, хотя внутри все колотало.

– У тебя есть ровно 10 минут на сборы, – в своей привычной, самоуверенной манере продолжал он, – я соскучился.

– Неужели? А ты не думал спросить, соскучилась ли я по тебе? Что – то я не видела, чтобы кто – то поинтересовался, какие у меня планы. Дома ли я нахожусь, чтобы молниеносно выполнять твои команды! – она обрушила на него весь шквал своей злости, и вместе с тем ее отпустило, ох как отпустило.

– Ну, в первое мне хотелось бы очень верить, поэтому я это себе уже почти внушил и не хочу разочаровываться, если это не так... А второе – ну, тут возможны два варианта – либо ты дома, либо у тебя орудуют воры, потому что я стою у тебя под окнами и вижу горящий свет.

Влада опешила, глотая воздух и не находя, что ответить на такой безапелляционно дерзкий и беспардонный поворот. В очередной раз без спроса он вторгается в мое личное пространство, но в то же время, черт возьми, ей это безумно нравится! Какой безвольной становилась она в его присутствии, даже таком, вымышленном, на расстоянии...

– Пятнадцать минут – , не видя смысла дальше пререкаться по телефону, выпалила, наконец, девушка и повесила трубку.

Какой ужас! – сразу пронеслось в ее голове, хотя этот же возглас сопровождался биением готового вырваться из груди сердца, подогреваемого зашкаливающим эндорфином, что, наконец, Он появился! Он появился, стоит под ее домом. И почему – то совсем не хочется думать о том, что это не милый безобидный поклонник, зовущий ее на романтическое свидание, а опасный человек, предложивший ей циничную и унижительную связь.

Она побежала в гардеробную, соображая, что же можно надеть. Как жаль, что он заставил ее ждать так долго. Вначале недели она была готова ко встрече с ним почти круглые

сутки – всегда красивая одежда, подчеркивающая достоинства, макияж, уложенные волосы... К пятому дню с момента из разлуки этот энтузиазм упал до нуля... Вид намалеванной физиономии раздражал ее еще больше на фоне того, что долбаный телефон молчал, а значит тот, для кого она старается, про нее и не вспоминает... Впрочем, все это не решало ее главной проблемы, поэтому она начала судорожно перебирать вешалки, подобно старинным счетам на кассах в советских магазинах... Ее выбор в итоге остановился на маленьком черном платье с кружевной вставкой на спине от фирменного дизайнера. Оно ей очень шло и выгодно подчеркивало фигуру, но в то же время, говорило о том, что она не собирается обескураживать его чрезмерной сексуальностью. Распущенные волосы, полное отсутствие украшений, кроме красивых массивных часов Диор из черной эмали. Их ей подарила тетка на восемнадцатилетие. Она делала ей дорогие подарки, говоря, что они «устанавливают планку» для хорошего вкуса. Высокие лакированные шпильки – босоножки и клатч из такого же материала. Она удовлетворенно оглядела себя в зеркало. Припудрила лицо и слегка подвела глаза черным карандашом... Влада уже опаздывала как минимум минут на пять, но совершенно не переживала по этому поводу. Не спеша она закрыла за собой дверь и стала спускаться вниз.

Выйдя, наконец, из дома, девушка увидела перед собой идеально чистый Порше Каррера. И вот, из машины выходит Он. Улыбающийся и манящий своим пронзительным взглядом, такой величественно прекрасный и в то же время непринужденный...

Он вплотную подошел к ней, молча улыбнулся, положил руку на плечо и поцеловал в щечку, потом галантно открыл дверь пассажирского сиденья подле себя и изящно запрыгнул в автомобиль сам.

Уже в машине Васель развернул к собеседнице свой торс и с лукавой улыбкой произнес:

– Ну привет, моя девочка. Ты специально оделась так, чтобы я попал в аварию. Шпильки... Черное платье...

Влада оставила без внимания его комплимент.

– Тебе следовало предупредить меня заранее... Прежде, чем планировать что – либо, связанное со мной, – она вложила в свою интонацию как можно больше недовольства, но ей все равно казалось, что фраза прозвучала слишком двусмысленно. И не зря – это подтвердил его ответ.

– Ты даже не представляешь, сколько всего связанного с тобой я планирую, детка. Не думаю, что стоит посвящать тебя во все эти мои планы, а то ты испугаешься и убежишь даже до того, как мы начнем исполнять нашу договоренность.

Влада смутилась и непроизвольно опустила взгляд. Ужас, как легко он сохранял спокойствие, как просто играл с ней, столь открыто и дерзко, без стеснения... Васель распознал в потоке отражавшихся на ее лице мыслей неловкость и стеснение. Его красиво очерченные губы растянулись в еще более широкую, снисходительно – умиленную улыбку. Он медленно протянул руку к ее лицу и взял за подбородок, приподняв его так, чтобы их взгляды пересеклись. Сперва Влада испуганно отпрянула, словно от удара тока, но он был настойчив и ей пришлось сдаться, дав ему зацепить ее овал лица в замок его трех пальцев.

– Я ведь все правильно понял, Влада? То, что ты сейчас со мной в машине, говорит о том, что мы «договорились»? Твое тело и девственность – мне, деньги и интервью – тебе?

– Нет, – резко отрезала Влада, выворачиваясь от его руки, – только интервью.

– В смысле, – переспросил Васель. По его интонации было понятно, что он не хочет тратить время на очередные уговоры и выяснения, ясно дав понять, что ему нужно.

– Меня не интересуют твои чертовы деньги. Я не проститутка. Ты дашь мне потрясающее интервью, от которого все должны быть в восторге, а еще ты дашь мне то, что так упорно и активно рекламируешь, и надеюсь, от чего и я буду в восторге, – она посмотрела на него с триумфом, поймав себя на мысли, что впервые после его предложения чувствует себя не жертвой. Пока не очень понятно, кем, но точно не жертвой...

Его глаза горели. Он улыбнулся еще шире, как хищник.

Глава 8

– Васель, давай закроем эту тему. Я не буду брать эти деньги, как не буду читать какие – то письменные договоры. Это унижительно и девальвирует любую значимость нашего с тобой общения, каким – бы коротким ты и я его ни видели. Я в машине с тобой не потому, что ты меня прогнул или вынудил. Я сижу здесь по доброй воле, потому что не прочь заняться с тобой своим первым сексом. Думаю, ты хороший для этого вариант, в этом ты, бесспорно, прав. И я верю тебе, что интервью ты мне дашь. Оно станет прекрасным бонусом и действительно поможет мне проснуться не просто женщиной, а знаменитой женщиной. Свободной, знаменитой женщиной.

Она сама не понимала, как смогла это все сказать, скрывая волнение. С каждым словом уверенность в ней только росла. И это чувство окрыляло.

Он не отрываясь, смотрел на дорогу. Ее слова почему – то злили его. Возможно, ему не нравилось, что эта девочка пытается устанавливать свои правила в их игре... Сказал деньги – значит, деньги... Какое – то время они ехали по узким улочкам города молча, Васель глядел исключительно перед собой:

– Я знаю, что ты встретила с Аmani Тоум после нашего знакомства, – он преднамеренно акцентировал внимание на последнем слове, – не волнуйся, я не знаю, о чем вы говорили, да и не хочу знать. Но я хорошо знаю саму Аmani. Знаю, каким средоточием сплетен она является. Иногда это ее плюс, но иногда и большой минус.

Он снова замолчал, но было понятно, что его мысль не закончена. Он искал подходящие слова.

– Так вот, я более, чем уверен, что она разное понаплела тебе обо мне... Хорошее и плохое... Правду и неправду.

– Да, она говорила многое о тебе. Действительно хорошее и плохое, но ведь не мне решать, что правда, а что нет. И даже не ей. Она конечно, источник информации обильный, но как Википедия, не всегда достоверный, – попыталась немного разрядить обстановку Влада, – Разве не ты должен мне сказать, чему верить, а чему нет?

Васель усмехнулся, но промолчал.

Их машина плавно парила по дорогам погружающегося в темноту Дамаска, увозя парочку все ближе к старому городу – исторической части столицы, насчитывающей более трех тысячелетий непрерывной жизни. Здесь пока еще ничего не говорило о беспокойном положении, захлестнувшем страну.

– Думаю, нам не мешало бы поужинать. Как ты на это смотришь? – перевел он было тему, – я очень голоден, – он бросил на нее очередной двусмысленный пронзительный взгляд, от которого у девушки опять все перевернулось внутри.

– Акид (араб. – давай), – с легкой улыбкой ответила девушка.

Немногословность пары в тот момент с лихвой восполнялась атмосферой в автомобиле, такой наэлектризованной от их взаимного влечения и какой – то постоянной энергетической и ментальной дуэли. Совсем не заметно для Влады он протянул к ней руку и поласкал тыльную сторону ее кисти. Девушка не стала отталкивать его. Наоборот, просунула свои пальцы между его, их руки сложились в замочек. Пока что этот шаг стал самым смелым ее поступком в отношении Васеля.

– Вейн раихин (араб. – куда едем)? – спросила Влада.

– Старый город. «Туффях» (араб. – яблоко). Один из моих любимых ресторанов. Вернее, не так. Один из моих любимых ресторанов, которыми я владею, – добавил он.

Влада закатила глаза. –Этого можно бы было не говорить. На меня эти штучки с понтами не действуют.

Васель снова усмехнулся.

– Думаю, Амани и без того уже тебе меня разрекламировала «в лучшем виде». Так что не думай, это были не понты. Напротив, это одно из тех немногих детищ, которыми я горжусь. У меня много всего, Влада. Но далеко не во все я вложил столько своей души. И, кстати, считай, что я уже начал давать тебе интервью. Про мои многочисленные достоинства там должно быть с лихвой, – он задорно улыбался. То ли шутил, то ли говорил всерьез. Трудно было понять этого самовлюбленного бонвивана, очаровывающего наивную Владу все больше.

– Но это не означает, что я готова к исполнению второй части нашего договора сегодня, – подняв бровь, твердо ответила девушка.

– Поверь мне, я пойму, когда ты будешь готова...

Влада знала этот ресторан. Истинный гастрономический рай на знаменитой библейской Прямой улице. Он был открыт в древнем здании, некогда служившем караван – сараем. Потрясающая работа дизайнеров, сумевших соединить в нем лучшие дамасские архитектурные традиции с современностью, а также восхитительная кухня, делали его излюбленным местом знаменитостей, туристов и состоятельных сирийцев.

– Да, это место потрясающее, – согласилась девушка, в очередной раз озираясь по сторонам. Она бывала здесь. И не раз, но сегодня все выглядело по – новому... С Ним у Дамаска были совсем другие краски, более глубокие...

– Немногие знают, но мы с командой менеджеров и поваров более года собирали по всей Сирии рецепты старинных традиционных блюд, которые почти перестали готовиться. Моей мечтой было возродить гастрономические традиции Сирии во всем их историческом многообразии.

Владе было стыдно признаться, что всякий раз, когда она приходила в этот ресторан, заказывала один и тот же традиционный набор, который в принципе можно было попробовать в любом другом арабском заведении – замазку из нута «хуммус», шашлык из курятины «шиш таук», «табуле» – салат с мелко нарезанной петрушкой...

На входе их уже ждали. Васель кинул ключи вале– парковщику, как тогда показалось Владе. Впоследствии она узнала, что это один из его охранников, следующий за ними по пятам. Потрясающей красоты высокие резные двери распахнулись – и они попали в какой – то особенный, восточный мир. Васель предусмотрительно выбрал столик в отдельной кабине, подальше от посторонних глаз. Очевидно, он не хотел публичности в отношении девушки.

– Это «кябаб караз», – объяснял он ей, накладывая на белоснежную тарелку шарики мяса в ярко – красном соусе. Бараний кябаб с соусом из вишни. Удивительное сочетание, попробуй.

Блюдо было потрясающим на вкус. Баранья насыщенность и мягкая сладость вишни создавали невообразимый тандем, о существовании которого и не догадаться, не попробовав.

– А это «кеббания». Сырое мясо, взбитое в фарш. Добавь на хлеб еще вот этих специй и оливкового масла. Попробуй.

Почти полчаса они только ели. На самом деле ела она, а он только рассказывал и подкладывал, не отрывая от нее взгляда. Все это происходило так завораживающе, что Влада сама не поняла, как уплела огромное количество еды.

– Вот, положи на хлеб еще этот сорт «хуммуса». С мясом...

– Васель, – накрыла девушка его руку своей, когда он в очередной раз попытался положить на ее тарелку ложку нового арабского деликатеса. – Я не смогу встать из – за стола, если съем еще что – то... Ты решил посмеяться надо мной? Ты сам ничего не ешь...

– Я сыт, – как ни в чем не бывало ответил он ей, лишь пожав плечами.

– Сыт?! Ты же мне говорил в машине, что умираешь от голода?!

Он улыбнулся.

– Ну да. Я голоден. Только у меня иное чувство голода... – мужчина внимательно смотрел на нее, вмиг став серьезным.

– Васель, – громко выдохнула Влада. – Все это так...

– Как?

Влада решила не размусоливать двусмысленность их непонятного общения.

– Вернемся к интервью, – она перевела тему, как ни в чем ни бывало, – расскажи мне о себе.

– А как же статья из Аманипедии? – сострил он.

Она ответила улыбкой, но в тот же момент снова стала серьезной.

– Действительно, Васель. Кто ты? Расскажи свою версию.

– Задавай любые вопросы. Я тебе расскажу... И покажу, если захочешь...

– Ну, откуда, например, это ты так хорошо научился говорить на русском? – девушка была уже давно шокирована тем, как мастерски он владеет языком. Если бы не произношение, можно было подумать, что он всю жизнь прожил в России.

– Я учился в Москве пять лет. Реально учился, а не занимался фигней, как многие другие иностранные студенты. И у меня были хорошие учителя. Их было очень много, – сказал он, многозначительно ей подмигнув.

– Русские девочки? – с вызовом продолжала свой расспрос Влада. Конечно, она понимала, о ком это он.

– Ну да, знаешь, у арабских студентов есть такое правило – приехал учиться – не ходи на пары, а найди себе русскую подругу – и через месяц ты будешь говорить по – русски.

– Но ты же говорил, что учился? – не унималась Влада.

– Ну поэтому я это я, – отпив из бокала вино, с улыбкой парировал Васель, – я и учился, и трахался. И везде меня сопровождал русский язык, – он самодовольно усмехнулся.

– Да уж, так и напишу, – скривив губы с сарказмом, ответила Влада.

– Но однажды я вообще совместил и то, и другое, – продолжал свой рассказ Васель, намазывая на лепешку хуммус.

– То есть?

– Ну, я стал спать со своим репетитором по русскому.

– Фууу, не думала, что ты испорчен и непривередлив настолько, – наигранно повела носом девушка.

Он усмехнулся.

– Ей было под сорок. Красивая, дородная блондинка с толстой косой до пояса. Добрая и нежная. Кандидат филологических наук, кстати. Ее муж погиб где – то на Кавказе. Был майором. Она страдала. Потом появился я. Позвонили в деканат из сирийского посольства и попросили хорошего преподавателя для частных уроков. Рекомендовали ее. Однажды мы занимались с ней... – он посмотрел на Владу, деланно подняв бровь – грамматикой. Она сидела рядом, и я положил руку ей на колено... – он задумался, вспоминая – она была очень горячей. Вернее нет, она была просто голодной. А я молодой и тоже голодный. Все время голодный. И так начались наши отношения.

– Сколько ты с ней пробыл? – спросила Влада с неподдельным интересом.

– Около полугода. Потом понял, что она стала воспринимать меня серьезно. Даже обожествлять. Я был для нее и секс – машиной, и сыночком... А я ведь просто с ней спал. Даже страсти там не было. Просто хотелось трахать все, что движется. И я трахал. И ее, и однокурсниц, и клубных телок, и даже проституток. Она знала о многом, но делала вид, что не замечает...

– А зачем проституток?

– Попробовать хотел. Что это значит, иметь женщину за бабло, как хочешь... Но потом расхотел. Когда понял, что в сущности это не меняет сути. Хотя нет, вру. Я перестал это делать, когда обрел уверенность и понял, что могу получать желаемое и по – другому.

– Не за деньги?

– Почему? Просто с использованием других форм их вложения, – невозмутимо ответил он.

– Я не совсем поняла. То есть по твоим словам, с тобой все равно спят за деньги? И что же в тебе плохого? Ты ведь и мне это предлагал, Васель. Так в чем секрет? – она говорила издевательским тоном. Наконец, было, на чем его подловить.

– При чем тут деньги? Речь идет о другом, детка. Речь идет о вложении их в правильное русло. Скажем, если бы я был простым босяком в дешевой куртке и драных туфлях, вряд ли бы ты обратила на меня внимание. И если бы я пригласил тебя поесть шаурму где –нибудь на Кусуре. – тоже. Речь идет о статусе, который всегда притягивает в мужчинах. И дело тут вовсе не во внешности.

– Не думаю, что статус сводится только к деньгам и одежде, – попыталась возразить Влада скептически.

Васель обреченно закатил глаза.

– Это лишь пример, Влада. Пример более правильного вложения денег. Их также можно вкладывать в оплату хороших учителей, которые могут тебя многому научить. Мыслить, например. В оплату книг, которые следует почитать, чтобы иметь широкий кругозор. В оплату поездок, которые позволят тебе узнать мир. В оплату бриллиантов для своей женщины, чтобы сделать ее счастливой и неподражаемой в глазах других. Перестань изображать дурочку. Ты все прекрасно понимаешь. Иначе бы сейчас не сидела вся в брендах...

– А мои двести тысяч? Во что были бы эти вложения?

– В твоем случае это просто подарок, или как я сказал, гонорар за интервью. Вложить ты могла их сама. В этом и есть суть моей идеи про ломовую лошадь и умелую наездницу...

Влада промолчала. Она не могла согласиться со всем этим в силу своих излишних романтической и идеалистичности, но резон в его словах был. Лучше было перевести тему, чтобы продолжать ее в привычной иронично – отстраненной манере. Это давало ей хотя бы немного пространства для защиты от его психологически – тактильного натиска.

– А что же с той красой – русской косой?

– Я ушел от нее. Вернее, исчез. Просто однажды вот взял и не пришел к ней на занятия – она звонила без прорыва один день. Помню, что телефон пищал не переставая. Но поняла все быстро. Больше после этого не звонила. Такие бывают понятливыми.

Он задумался, словно вспоминая то время.

– Но я благородно поступил все – таки, даже для того зеленого юнца, которым был. Она мечтала о жизни в Сочи. Уехать далеко на море. Чтобы никаких забот. Через месяц она получила документы на дом и счет в банке – чтобы спокойно себя чувствовать и нахальных студентов, вроде меня, не обучать... Теперь, наверное, там. Я, если честно, больше не интересовался. Вспомнил только сейчас об этом, потому что ты эту тему открыла.

У Влады засосало под ложечкой. Вот так и про нее он скажет через несколько лет какой –нибудь своей новой пассии – «вспомнил только сейчас об этом, потому что ты тему открыла»... Ей хотелось было ляпнуть, что, как говорят, и с его матерью в свое время поступили так же – сунули дом и деньги в другом городе, но побоялась. Это было слишком личное...

– Ну все равно, ты очень хорошо говоришь по – русски. Это просто невероятно. – Она снова вернулась к общей теме.

Васель задумался, устремив свой взгляд куда – то вдаль, словно вспомнив что – то, произнес:

– Когда мы жили на Кипре, моей нянькой была русская из семьи эмигрантов. Очень приятная женщина. Только она была не совсем русской, армянкой, по – моему... Она меня, кстати, научила еще и французскому.

– Ты жил на Кипре?

Васель лукаво улыбнулся, переведя свой взгляд на Владу.

– Ты ведь наверняка общалась с Амани и об этом, так что боюсь, что обо мне тебе известно больше, чем мне самому.

Влада отпила из бокала глоток вина. Его вкус был насыщенным и приятно вяжущим. Его начинаешь чувствовать в тот момент, когда в кровь попадает достаточное количество алкоголя, чтобы ощутить некоторую мягкость в ногах и чувство расслабленности в голове. Она предпочла все – таки не афишировать тот факт, что, мягко говоря, очень подробно обсудила с Амани его жизнь на Кипре и последовавший переезд в Сирию. По крайней мере, то, как это преподносили в обществе, за спиной, сплетничая.

– Я знаю, кем был твой отец. Я знаю, что ты был любимцем своего деда. Я знаю, что ты истинный патриот своей родины, прогрессивный человек и филантроп. Но на самом деле, я не знаю ничего...

– Смотрю, ты начала исправляться в позитивную сторону. Вот теперь ты понимаешь, что на самом деле и читателю, и тебе самой интересны должны быть не эти пустые преходящие вещи, а то, какой я человек... А как человека ты меня еще даже не начала узнавать. Я готов показать тебе существенную часть того, чем я занимаюсь, что составляет образ жизни моих друзей и единомышленников, – напиши лучше об этом, а не про мои студенческие похождения.

Внезапно она выпалила то, о чем могла сильно пожалеть:

– Ты покажешь мне даже то, что делают хияли?

Вмиг улыбка сошла с его лица. Он стал серьезным и сдержанным. А она мысленно психанула на себя за дурацкую фразу, которую буркнула, не подумав...

– Язык Амани очень длинный. Интересно, использует ли ее муж это преимущество в постели, когда она делает ему минет, – грубо съязвил он.

Влада вырвала из его рук свою ладонь, которая все еще находилась в захвате его тонких пальцев.

– Не надо говорить такие вещи! – вспыхнула она.

– Послушай, – все в том же серьезном сосредоточенном тоне продолжал он, – ты, как и она, не имеете ни малейшего представления, что мы делаем. Слово «хияль» придумали завистники, сейчас его используют враги режима, всякие шакалы, продавшиеся за копейки США и Израилю. А те, кого Вы так называете, ни кто иной, как смелые ребята, готовые умереть за свою родину. Они сражаются, борются, рискуют жизнью, чтобы в живых оставались другие... Да, у меня есть свой военизированный отряд – и я делаю все возможное, чтобы эти ребята помогли армии спасти эту страну, чтобы дать таким, как я и мне подобным – прогрессивным патриотам, желающим вытащить Сирию из тыза (араб. – задницы) – надежду на будущее. Я помогаю их семьям, я даю им зарплату, боеприпасы и оружие, которыми они защищают простых граждан. И я не вижу в этом ничего плохого или постыдного.

Влада внимательно слушала, опустив взор в пол. Васель замолчал. Оба они впервые не смотрели друг на друга.

– Но то, что я слышала о них... Я слышала, как раньше они ездили по улицам Дамаска, ища красивых девочек себе на забаву... – не унималась девушка, – как они грабили честных торговцев, воровали понравившиеся им машины...

– Это бред, Влада! – грубо отрезал Васель, – ты сама понимаешь, насколько примитивный и неправдоподобный.

– Извини, – тихо проговорила она, – но я говорю о том, что слышала, не видела.

Васель усмехнулся, все еще смотря напряженно в пол, – Все – таки вы, журналисты, особая когорта. Ведь тебе интересно выведать у меня что – то провокационное, не так ли? – он бросил на нее полный вызова взгляд.

– Не спорю, –отрезала она, – Да, мне интересно. Пока только для себя, а там – посмотрим... Ты же понимаешь, что я вряд ли прославлюсь, если напишу про тебя только хорошее в духе местной пропаганды. У тебя прекрасный шанс дать мне возможность написать о спорных моментах так, чтобы люди услышали альтернативное мнение.

Он немного расслабился, взял себя в руки. В ее словах был смысл. Атмосфера между ними становилась менее напряженной.

– Конечно, уродов было и есть достаточно, – остыв, добавил Васель, – тех, кто действительно использовал свое положение в целях наживы и развлечения. Да что уж говорить, и среди моих многочисленных родственников таких немало! Но все же это частные случаи, понимаешь? Частные. И уж явно мало кто из тех, кто насилует красивых девчонок и крал чужие дорогие машины, сейчас воюют за свою родину. Смело и решительно. Знаешь, все намного сложнее... Мир вообще не черно – белый... Нет абсолютного добра, но и нет абсолютного зла. Все это сложно... Иногда я сам задумываюсь, где же золотая середина? Насколько далеко зашли мы и когда совершили фатальные ошибки... Мы и они... Что происходит сейчас? Разрушение нашей страны. Превращение ее в груды развалин. Мы убиваем друг друга. Иногда по делу, но чаще всего бессмысленно...

– Но почему этому нельзя положить конец?! – эмоционально воскликнула Влада.

– Этому нельзя вот так просто взять и положить конец, Влада... пока что не получается... Слишком много внешних сил хотят разрушения Сирии. Слишком сильно желание превратить страну в провальное государство с деградировавшим, озлобленным, маргинализированным, умирающим от голода населением, чтобы безнаказанно контролировать нефтепотоки, чтобы посеять тут хаос, но хаос контролируемый...

– Жалко..., – потерянно полупшепотом произнесла Влада.

Васель взял ее за подбородок и нежно погладил по лицу.

– Не стоит ни о чем жалеть. Надо бороться и двигаться дальше. Пытаться жить. Видишь, в Дамаске люди продолжают радоваться жизни. Выходить в рестораны, тусить в клубах... Мы должны радоваться тому, что имеем... И смотреть только вперед, исходя из реальности. – Он говорил уверенно, словно чеканил по железу.

– Неужели ты не скучаешь по тем беззаботным дням, когда все было хорошо? Неужели у тебя сердце не сжимается от жалости?

– Влада, я повторяю, нет смысла ни о чем жалеть. Это мой жизненный принцип... Жалость – удел слабаков. Нужно двигаться вперед. Тебе я это тоже советую. В чем смысл перематывать пленку назад, если это не любимый фильм, а реальная жизнь?

– Есть одно, Влада, о чем я жалею, – как – то более мягко продолжил он, лаская своими пальцами ее подбородок, – не из прошлого, а из настоящего... А еще страшнее – из будущего... Единственное, о чем я жалею, что все эти жуткие события происходят на глазах у таких маленьких беззащитных девочек, как ты... Никто из Вас не защищен, хоть вам и кажется, что вы все сможете и перехитрите всех. И знаешь, будь моя воля, я бы отправил тебя подальше от всего этого... Это не твоя война... Тебе не за чем калечить свою жизнь... Не за чем взрослеть раньше времени...

– Нет... – попыталась возразить она.

– Не перебивай меня, – он быстро накрыл своим большим пальцем ее губы, не дав закончить, – ты находишься в еще более опасном положении, чем местные девушки. – Он задумался, сильно нахмутив брови, – чем больше я с тобой общаюсь, тем больше мне хочется, чтобы ты была вне всего этого. Считаю это моей личной человеческой симпатией.

Влада вскинула голову, – не забывай наш уговор, Увейдат. После его консультирования я буду свободна и независима в своих решениях.

– Тшшш, – мягко перебил он ее, все еще водя по ее пухлым губам своим пальцем, –

Хватит перечить. Ты же знаешь, что на самом деле я Али, а что говорят про семью Али в Сирии? Мы всегда правы...

Он смотрел на ее, как зачарованный. Влада тоже не могла оторвать от него своего взгляда. Все в ее душе переворачивалось от его слов.

– И вообще, хватит на сегодня. Я не хочу говорить обо всем этом дерьме, детка. Я просто хочу смотреть на тебя. Пока только смотреть, до тех пор, пока...

Сила его воздействия, интонация, манера поведения – все заставило Владу ему слепо повиноваться. Она послушно замолчала, на что он удовлетворенно улыбнулся. Девушка была настолько сконцентрирована на беседе, что даже не заметила, как официанты умело и быстро убрали все со стола.

– Как тебе ужин? – совсем мягко спросил Васель.

– Восхитительно... – ее глаза блестели, – не хотела тебе говорить, но все же признаюсь. Я бываю тут время от времени, но никогда даже не подозревала о существовании таких сумасшедше вкусных блюд. Просто трудно вот так, по незнанию, заказать то, что нужно. Всегда брала какие – то проверенные вещи, хотя и они были просто умопомрачительны.

– Ахлян ва сахлян (здесь араб. – на здоровье), – как радушный хозяин, удовлетворенно ответил он, – я хочу тебе кое – что показать, – тут же вставая из – за стола и подавая руку спутнице, бросил Васель.

Глава 9

Они вышли из ресторана и не успели окунуться в мягкую прохладу вечернего города, как их ослепила вспышка фотоаппарата. Вот и попались, – пронеслось у Влады в голове. Фотографировавший их парень быстро понесся в сторону узкой пешеходной улочки и был неуловим, хотя охрана Васеля и среагировала молниеносно, побежав за ним. Стараясь привлечь как можно меньше внимания, они быстро нырнули в оперативно подогнанный автомобиль и оказались в приятной темноте и прохладе шикарного салона. Влада мало на что обращала тогда внимание, кроме Васеля, но узость улочек, по которым они лавировали, позволила ей все – таки разглядеть их «хвост» – хоть ее спутник и производил впечатление ездившего по городу в одиночку, за ним неустанно следовала его «стая» охранников. Черный наглухо тонированный джип за ними это доказывал.

– Тот фотограф..., – начала было она.

– Не бери в голову, куколка. Я это улажу, – безапелляционно перебил ее Васель.

Непонятно почему, она чувствовала за собой некую вину... Кто их фотографировал? Куда теперь попадут эти фото? Ни ему, ни ей не нужна была эта публичность...

– Время мне задавать вопросы. С твоим небогатым опытом мы определились. Это понятно, но вот какой у тебя была первая любовь? Признайся, в первый раз влюблялись все, даже святая мать Тереза, – подняв бровь, но не отрываясь от дороги с интересом, спросил Васель.

Влада чуть заметно усмехнулась. Первая любовь? Она никогда не общалась близко с ребятами – в интернате учились только девочки. И лишь на выездах на экскурсии или в театр видела ребят, впадая в их присутствии в страшное смущение. Поступив в институт, она, конечно, привлекала внимание противоположного пола, но все это было поверхностно и несерьезно. Хотя один молодой человек ей даже очень понравился, но после первого же похода в кино на пороге ее съемной квартиры появилась тетка, и пригрозила, что выгонит из дома, если она не прекратит свою «бессмысленную» дружбу. Тогда она впервые в своей жизни подняла голос на Бэllu Константиновну: «Но почему бессмысленную?!» – закричала девушка в сердцах. А тетка лишь вскинула бровь и совершенно спокойным голосом ответила: «Милочка, неужели я вложила в тебя столько ради какого – то троечника из Ростова?». Влада не стала больше возражать. Не привыкла. Да и сам молодой человек, как ни странно, с того дня начал полностью ее игнорировать.

Можно ли было назвать любовью тот нелепый случай с однокурсником. Какими смешными девушке сейчас казались те переживания... Как блеклы и неказисты они были на фоне зарождающегося чувства к Васелю, ненужного, опасного, неизбежного для нее... Он не должен обо всем этом знать... Он не должен понимать, насколько она незрела в этих вопросах. Насколько уязвима и открыта перед ним...

– Давай не будем об этом... – Попыталась она ответить как можно более уверливо... – Поверь мне, не было ничего, стоящего хоть какого – то внимания.

Он лишь усмехнулся.

– Гораздо интереснее было бы послушать тебя, Васель, – попыталась развернуть тему в его сторону Влада, – я бы даже могла написать об этом пару строк. Поверь, твоему образу не помешало бы пару романтических аккордов на фоне всей той жести, что есть в СМИ...

Васель молчал. Думал.

– Не знаю, есть ли смысл об этом писать. Ты же понимаешь, мы, арабские парни, очень влюбчивые. – Он хитро улыбнулся, бросив на девушку быстрый взгляд, а ее почему – то сильно кольнуло. Да, влюбчивые и переменчивые, это правда.

– И все же. Ведь явно была самая первая...

– Ладно, отвечу так. Можешь даже об этом написать. Была замечательная девушка, отношения с которой вопреки воле и желанию обеих наших семей, развивались быстро и стремительно, но ни к чему не привели. Я быстро вернулся на землю, поняв, что это детское увлечение.

– А она?

– Она? – Васель задумался, – ну что, она? Так и осталась витать в облаках, можно так сказать. Поверь мне, ничего хорошего из этих отношений не вышло. Она восприняла все слишком серьезно, наломала дров, как вы говорите в России. Я жалею о тех отношениях. Единственное хорошее, что они мне дали – это любовь к поэту Джибрану Халилю Джибрану. Она его любила. Пожалуй, это единственное, в чем наши вкусы оставались неизменны. А вообще, мне кажется, мы слишком много говорим о прошлом. Настоящее куда более интересно. А уж как интересно наше ближайшее будущее...

Васель властно протянул свою руку к Владе, провел по щеке, не отрывая взгляда от дороги. Его кисть как – то плавно проскользнула ниже, наконец, найдя себе приют у нее на оголенной коленке.

Она не стала дальше развивать эту тему, рассматривая меняющиеся по мере движения пейзажи за окном, не мешая ему и прислушиваясь к своим ощущениям. Он нежно поглаживал коленку. Становилось все более волнительно и немного тревожно.

– Куда мы едем? – почему – то напрягшись, но все же не препятствуя действиям мужчины, смущенно спросила она.

– В самое романтическое место этого города.

Их спортивный автомобиль уверенно преодолевал крутые виражи по серпантину, устремляясь к смотровой площадке на горе Касьюн, самом загадочном и впечатляющем месте Дамаска. На КПП солдаты почтительно расступались и отдавали честь. О его приезде, видимо, знали заранее. И вот, они въехали на самую смотровую площадку – прямую дорогу почти на вершине горы, на которой уютно расположились маленькие кафешки и красивые рестораны с прекрасным видом на город. Но Васель к удивлению Влады не стал останавливаться ни у одного из них. Он уверенно ехал все дальше и дальше туда, где дорога поднималась еще выше, чтобы обогнуть самую вершину и начать движение вниз, как вдруг резко остановился и умело припарковался в считанные секунды у бордюра. Из окна девушки открылось захватывающее разум и дух зрелище – миллионы светящихся точек, рассыпанных у подножья. Она много раз поднималась на Касьюн, одна и с друзьями, но все же не чувствовала такого волнения и восхищения. Кажется, даже воздух в тот день был заряжен каким – то волшебством.

– Люблю именно это место, – словно находишься на взлётной полосе. И никакие кальянцики и зазывалы в рестораны тебе не мешают пообщаться с городом... – проговорил он, как и она не отрываясь от захватывающей картины внизу. В его словах была любовь и привязанность к Дамаску.

– Умопомрачительное место, – согласилась Влада. Она ощущала себя в сказке. Мечеть Омейядов, сердце старого города, светилась желтым сиянием и выглядела каким – то волшебным замком. Голубая подсветка дамасских фонтанов, расположившихся на большинстве площадей города, разбавляли этот красно – желто – зеленый огненный пейзаж.

Васель нежно провел рукой по волосам Влады, привлекая ее внимание к себе. Вся в смущении и волнении, она повернула лицо к нему, но тут же опустила глаза в пол, слишком прожигающим и выразительным был взгляд его светящихся синевой глаз.

– Это правда странно, но в тот день, когда я увидел тебя в первый раз, ты запала мне в мозги, не знаю, можно ли так сказать на русском. Знаешь, такого не было уже давно. И я не могу понять, почему это произошло. Не хочу понимать. Мне наплевать на все это. Я просто хочу тебя, – и как только ты скажешь, что тоже хочешь меня, ничто меня не остановит.

Он говорил спокойно и взвешенно, на красивом правильном русском языке, лишь с легким акцентом, который выдавал то, что этот язык был ему не родным. Акцент был немного сильнее, чем обычно, и Влада не без внутренней радости поняла, что он волнуется. У него всегда появлялся акцент, когда он волновался. Это первое, что она узнала о настоящем Васеле. То, что ее действительно грело и интересовало.

Девушка молчала, но мужчина словно и не ждал от нее ответа. Она все еще не в силах была поднять на него свой взор, но чувствовала всем своим нутром его обжигающий взгляд, взгляд, от которого она внутри сгорала.

– Посмотри на меня, – тихо произнес он, проведя ладонью по ее лицу и нежно взяв за подбородок. Он любил так делать. Это тоже она успела заметить.

Она повиновалась. Васель прошелся пальцем по ее полураскрытым губам.

– Мне так хотелось поцеловать их там, в ресторане, когда ты так аппетитно слизывала с губ вишневый соус...

Она резко вдохнула, и в этот момент, даже не дав ей опомниться, он стремительно накрыл ее рот горячим поцелуем.

– Их словно прошибло током. Она отчаянно отвечала на страстный натиск Васеля, не думая уже ни о чем. И он уже не сдерживал себя, запустив обе свои кисти в ее разметавшиеся волосы и властно сжимая голову. Еще мгновение – и его руки начали блуждать по ее телу, обволакивать полушария груди, повторять изгибы талии. Одним движением он подхватил ее, приподнял и пересадил себе на колени. Ручной тормоз упирался ей в колено, но она ничего не замечала, растворяясь в его объятиях. Его рука заскользила ей под платье вдоль бедер. Он собственнически сжимал ее ягодицы. Она явственно ощущала его эрекцию, отчего голова кружилась.

– Я хочу тебя прямо сейчас, – хриплым голосом прошептал он ей на ухо, – и меня бесит, что я с трудом контролирую себя, чтобы тебя не трахнуть.

Его слова несколько ее отрезвили.

– Нет, Васель. – начала она изворачиваться из его цепких объятий – , пожалуйста, нет... —

Влада не знала, кого она больше умоляла, его или себя. Не так она себе это представляла, не так быстро, не так легко для него...

Но он не унимался, он не мог и не желал отпускать ее, он не привык отказываться от того, что хотел, хотел сейчас и страстно. Казалось, что его руки, словно железо. Он не делал ей больно, но умеючи не давал отстраниться. Это был не поцелуй, он словно трахал ее рот своим – целовал так глубоко и сильно, что она чувствовала его язык на своем небе, его двухдневная щетина больно царапала ей лицо, но это было даже приятно...

– Пожалуйста, я не готова, – наконец смогла отстраниться от него она. Воспользовавшись моментом, ловко пересела с его коленок обратно на пассажирское сидение. Выдохнула, восстанавливая самообладание, а с ним – и возможность противостоять этой страстной агрессии.

Васель с силой ударил по рулю, – ах шармута (арабю – мат), – несколько раз провел руками по своим разметавшимся волосам. Ему вернуть самоконтроль, как казалось, было еще сложнее.

– Ты права, – вдруг сказал он тихо и как – то даже сухо, словно за считанные секунды к нему вернулось спокойствие и самоконтроль. – Я держу свое слово. Я возьму тебя только тогда, когда ты сама этого пожелаешь, когда готова будешь мне себя отдать. Извини за эту ситуацию. Расценивай ее как комплимент твоей неотразимости.

Он из всего мог выйти галантно и непринужденно...

Не поворачиваясь больше ко ней, завел машину, и они устремились вниз, к реальности. Оба молчали, сосредоточившись на своих мыслях. Она была в полной прострации... Ее пугало

его молчание, она не знала, как его истолковать, поэтому молчала сама, с напускной отрешенностью смотря в окно. Знаете, это когда внешне ты спокоен, глаза скользят по каким – то предметам, но на самом деле тебе так внутри тревожно и беспокойно, что спроси, что ты сейчас видел – и не ответишь.

По бокам у обочин при спуске, где вид на Дамаск был все еще не менее красивым, зато дорога почти не освещенной, стояли десятки машин. Окна во многих из них были запотевшими. Она печально улыбнулась. Весь город знал, что это традиционное место романтических встреч для влюбленных. Только тут они могут спрятаться от осуждающих взглядов консервативного общества и придаться своим чувствам. Кто – то ограничивался невинными поцелуями, кто – то вкушал все радости любви... В любом случае, Касьюн служил пристанищем для влюбленных... А ведь это гора, на которой произошло первое убийство человека. Это тут Каин убил Авеля... Из – за женщины, кстати... "Дам шакк" – кровь родного брата – в переводе с арамейского... Многие историки убеждены, что именно с этой легенды берет свое начало название сирийской столицы... Название, которое совсем скоро в полной мере себя оправдывает в этой глупой и бессмысленной войне, разделяющей родных навсегда – либо линиями жизни и смерти, либо баррикадами сторонников действующего режима и его противников...

Машина Васеля стремительно долетела до дома Влады. Он до последнего не сбавлял скорость, а потом вдруг у самого ее подъезда резко ударил по тормозам. Колеса засвистели. Их обоих подкинуло вперед при остановке.

Девушка, ничего не понимая, подняла на него полный удивления взгляд, но он тут же притянул ее к себе, заключив губы в страстный поцелуй. Еще секунда – и он так же резко отстранился. Судорожно вытирая свой рот.

Васель, скрепя зубами от злости, на себя выдохнул:

– Черт, что я делаю?! Ты не должна связываться со мной, Влада! – Он бросил на нее быстрый отчаянный взгляд, в котором она тогда прочитала тупую боль. Сердце девушки сжалось.

– Тебе нужно держаться от меня подальше, – почти шепотом повторил он свои слова... Она заглянула в его глаза, а в них столько всего... В них таилось столько вопросов, было столько смятения и печали... И одиночества, какого – то волчьего, щемящего одиночества.

Не давая себе шанса на раздумья и не отрывая от него своего взгляда, она лишь тихо произнесла:

– Только один викенд, Увейдат. Викенд и интервью. И я свободна... Не обольщайся.

Верила ли она в то, что говорит? Конечно, нет. Все было так сложно и так просто одновременно... она знала, что он заставит ее страдать... такие мужчины всегда заставляют... Для этого не надо быть умудренной опытом женщиной или ясновидящей. Просто на таких смотришь – и сразу понимаешь, что пропала... Это как в магазине при покупке определенного товара – что – то идет уже в комплектации. ... Так вот, отношения с такими мужчинами всегда идут в комплектации с сердечной болью... Но она знала и другое... Если бы тогда она просто пожала плечами, одумавшись, и, не прощаясь, вышла бы из машины, закрыла бы за собой дверь и не обернулась, послушав гордость и здравый смысл, то жалела бы всю жизнь...

Поэтому она сделала самое правильное, что только могла в этой ситуации – улыбнулась как можно более вызывающе и обескураживающе. Невозмутимо и смело, пересиливая свое смущение, произнесла:

– Сейчас меня беспокоит одно.

Васель напряженно посмотрел на Владу, ожидая продолжения слов.

– Не пропадай опять надолго...

Он продолжал пристально всматриваться в нее, нежно погладил ее волосы и тихо произнес:

– Все это время до нашей следующей встречи я буду думать о тебе...

Глава

10

В этот раз он действительно не заставил ее долго ждать. Уже на следующий день снова раздался звонок с неизвестного номера.

– У тебя полтора часа на сборы. Идем в клуб.

В клуб? Да – да, вы не ослышались. Несмотря на военное положение, ночные клубы в Дамаске продолжали свою работу. Помолвки, дни рождения, желание просто проветриться, потанцевать и выпить пересиливало страх быть убитым. Они уже научились жить не в аванс, а как в последний день. Это было воодушевляюще и страшно одновременно.

На этот раз выбор Влады пал на ультракороткое серебряное платье в пайетках. Ей хотелось его провоцировать. Заехавший за ней Васель по привычке оценивающе – голодно окинул ее взглядом. Словно пантера, машина понеслась по ночному Дамаску, превращая картину за стеклом в сплошной поток разноцветных огней.

– Ты танцуешь? – спросила его Влада, глядя на пробегающие урбанистические пейзаж за окном.

– Смотрю...

«Зета – бар» находился на крыше одной из самых старых гостиниц в центре города. Клуб был идеально организован под арабский вкус, точнее сказать, под гламурный арабский вкус, требующий подчеркивания социального расслоения, кичащийся им. Открытый танцпол с барной стойкой для «простых», утопавшие поглубже, скрытые от большей части глаз ложи – кабинки для избранных. Все было сделано так, чтобы власть и деньги имущие могли с легкостью рассматривать танцующих, а вот те, кто плясал на танцполе, смотреть на них не могли – и без того скрытые от глаз ложи были защищены еще и не щадящим сетчатку глаза светом прожекторов, направленных в сторону танцующих.

Они расположились в одной из таких кабинок, где их уже ждали алкоголь, кальяны и закуски.

– Знакомься, это Айман, – указал Васель на парня, уже сидевшего за их столиком, – моя правая рука.

– Очень приятно, – на русском произнес плотного телосложения молодой человек, устремив на Владу внимательный хитрый взгляд.

– Вы все тут говорите на русском? – удивилась девушка.

– Мы вместе учились в Москве, – ответил Васель, – не отрывая глаз от дисплея мобильного. Телефон сильно его беспокоил еще с того момента, как Влада села к нему в машину. Было видно, что за этим стоит какое – то важное дело. Активная переписка не прекращалась. Это немного расстраивало ее, потому что лишало львиной доли его внимания. Да и вообще, не такого она ожидала, выражаясь в самое откровенное свое платье.

– Смотрю, – со злостью спародировала его девушка себе под нос, осушившая уже третий бокал шампанского, – теперь ей стало понятно, что именно Васель имел в виду, когда так ответил на вопрос, танцует ли он. Складывалось впечатление, что все дамасские охотницы за самцами заранее знали, что он сюда придет и где будет сидеть, потому что аккурат перед их ложей на танцполе происходил какой – то эротический танц – батл. Самое ужасное, его это забавляло. Он то и дело отвлекался на пляшущих гурий от своего телефона, небрежно, с ухмылкой, скользя взглядом то по одной, то по другой девчонке. Айман побыл за их столиком недолго. Перекинулся парой дежурных фраз с Владой, получил какое – то указание от Васеля и был таков. Девушке, градус алкоголя в крови которой поднимался все выше и выше, становилось все более скучно, но еще больше ее одолевала ревность и злость. Выпив четвертый бокал и окончательно осмелев, она не дожидаясь разрешения спутника, встала из – за стола и продефилировала по лестнице вниз, к танцующим. Она не собиралась задеть его или даже что – то

ему доказать. Она обожала танцевать, могла это делать, поэтому единственное, что хотелось в данный момент – отжаться танцу, выплеснуть свои эмоции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.